Одиночество дипломата

Автор:
Леонид Спивак

Одиночество дипломата

Леонид Спивак

Книга представляет две уникальные биографии. Первый из персонажей книги, эмигрант Иуда Бенджамин, достигший самых высоких постов в американской политической иерархии, считается одной из ключевых фигур в истории Гражданской войны в США. Другой, Уильям Буллит – журналист, дипломат и аналитик, советник двух президентов, соавтор З. Фрейда, первый посол США в Советской России и Франции – оставил след не только в анналах великих государств, но и на страницах романов Ф. С. Фицджеральда и М.А. Булгакова.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Леонид Спивак

Одиночество дипломата

© Л. Спивак, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

* * *

Ревекке, Анне, Виктории, трем поколениям моей семьи

Иуда

Judah P. Benjamin, the dapper Jew,

Seal-Sleek, black-eyed, lawyer and epicure,

Able, well-hated…

Stephen Vincent Benet

“John Brown’s Body”

Иуда Бенджамин, щеголь-еврей,

Гладкий, как тюлень,

Черноглазый адвокат, эпикуреец,

Умелый, ненавидимый крепко…

Стивен Винсент Бене

«Тело Джона Брауна»

Место под солнцем

На юге небо всегда кажется выше. Когда опускаются сумерки и верхушки кипарисов застывают на фоне глубокой синевы, кажется, что воздух напоен бархатистым ароматом вечнозеленой тропической растительности. «Добрый старый американский Юг», край резких контрастов под ярким солнцем, давно уже стал легендой. Ушла в небытие размеренная и утонченная жизнь старых усадеб. Унесены ветром балы и дуэли, южные традиции и предрассудки. Стали героями исторических романов плантаторы и генералы, салонные красавицы и светские львы, а в каждом американском городе, большом или малом, есть памятник погибшим в годы жестокой войны, расколовшей страну на Север и Юг.

Иуда Филипп Бенджамин

В эпицентре этого крупнейшего в американской истории шторма оказался человек, судьба которого и по сей день вызывает разноречивые отклики. Он был одной из ключевых политических фигур XIX века. Ныне имя его нечасто упоминается даже в самых кропотливых трудах американских историков. Иуда Филипп Бенджамин – блистательный юрист, сенатор США, известный предприниматель, незаурядный государственный деятель – коллизий его жизни хватило бы на несколько человеческих судеб. Однако даже для близких ему людей «Принц Конфедерации» так и остался загадкой.

Мальчика-первенца назвали Иудой. Имя было традиционным для патриархальной религиозной семьи. В память Иуды (Иегуды), родоначальника одного из двенадцати колен Израилевых, были названы многие герои древней еврейской истории. Но в христианском мире с этим именем ассоциировался совсем другой библейский персонаж.

Иуда Филипп Бенджамин появился на свет 6 августа 1811 года. Звезда удачи не сияла над его головой. Он был одним из шестерых детей Филиппа Бенджамина, хозяина небольшой лавки на острове Сент-Томас, принадлежавшем в ту пору британской Вест-Индии, а ныне – Виргинским островам, протянувшимся узкой полоской в Карибском море. Лежащие на пересечении морских торговых путей между Европой и Америкой, эти острова издавна манили к себе людей, по

разным причинам не уживших ся в Старом Свете.

Когда-то Филипп Бенджамин держал крошечный магазинчик в еврейском квартале Лондона. Наполеоновские войны сильно ударили по всей английской торговле. Разорившийся коммерсант решил попытать счастья за океаном, в Вест-Индии, где у родственников его жены, Ребекки Мендес, неплохо шли дела.

Отец Иуды оказался не самым удачливым бизнесменом: нужда по-прежнему следовала за ним по пятам. Через несколько лет угроза очередного разорения заставила семейство перебраться в Соединенные Штаты. Здесь они несколько раз переезжали с места на место, пока не осели в 1821 году в Чарльстоне, тогдашней столице штата Южная Каролина. Отсюда и начал свое восхождение один из самых ярких и загадочных американских политиков XIX столетия.

Чарльстон был первым городом в Новом Свете, который предоставил право голоса нехристианам. В колониальные времена Южная Каролина управлялась согласно хартии 1669 года, составленной великим английским философом Джоном Локком. Хартия гарантировала свободу совести всем поселенцам, среди которых были отдельно упомянуты «язычники, евреи и сектанты». Во время Войны за независимость США большинство иудеев-южан сражалось на стороне генерала Вашингтона, многие были офицерами его армии. Со временем в Чарльстоне образовалась самая крупная еврейская община на юге страны.

Впоследствии, в кругу вашингтонских друзей, Иуда Бенджамин с радостью вспоминал свои детские годы в Чарльстоне. Семью по-прежнему кормил небольшой магазинчик в районе порта. Запах сушеных тропических фруктов, специй и кокосового масла в лавке, шум порта с боцманскими свистками и многоязыкой матросской речью, неповторимое дыхание южного моря составляли аромат детских воспоминаний сенатора. Вероятно, отсюда берет начало глубокая привязанность к старому американскому Югу, на долгие годы определившая его жизненный выбор.

Подлинной главой семьи была Ребекка. Иуда никогда не упоминал отца, но бережно относился к матери. Дальние родственники вспоминали ее как женщину с сильным характером, которая, невзирая на бедность, умела высоко держать голову. Однажды, как пишет первый биограф Бенджамина П. Батлер, более обеспеченная сестра Ребекки прислала ей из Вест-Индии сундук с дорогим постельным бельем. Нераскрытый сундук был тотчас отослан обратно с уверением в полном благополучии.

Будущий член кабинета министров Конфедерации учился в школе для бедных детей. Мальчик демонстрировал несомненные способности. Иуда запоминал книжный текст страницу за страницей и с легкостью цитировал огромные поэмы. Но много ли было в Чарльстоне возможностей для бедного иммигранта, пусть даже и с искрой Божьей?

Все изменилось в тот день, когда на пороге лавки появился Мозес Лопес, богатый и уважаемый в еврейской общине предприниматель, известный своей благотворительностью. Он предложил Филиппу и Ребекке отправить мальчика в Йельский университет и дал существенную сумму для поступления. В это было трудно поначалу поверить: в Йель посылали учиться своих сыновей аристократические семьи Юга. Вступительный экзамен в университет включал проверку знания греческого, латыни и математики, а также осведомленности в трудах древних – Вергилия, Цицерона, Саллюстия. Но четырнадцатилетний Бенджамин справился с первым в жизни серьезным испытанием. Часть необходимой платы за его учебу внесло еврейское общество помощи сиротам. Ради сына Ребекка проглотила свою гордость.

Когда низкорослый Иуда Бенджамин надел черно-белую форму студента Йеля, он оказался самым младшим среди учащихся. Единственный в те времена иудей в одном из старейших университетов Америки был фигурой экзотической – иммигрант и провинциал среди отпрысков плантаторских семей Юга и денежной аристократии Севера. Университет, расположенный в сердце Новой Англии, оставался цитаделью пуританского консерватизма. Все студенты были обязаны к последнему удару колокола успеть на утреннюю службу, которая начиналась зимой в шесть часов утра, а летом – в пять. Программа первого года включала изучение античных историков Геродота, Тита Ливия, Тацита, а также географии, астрономии, тригонометрии. О трудностях науки говорит одна из тогдашних традиций йельских студентов: в конце учебного года хоронить одну из пяти книг Евклида.

«Бенджамин многое выучил вне классных стен Йеля. Наблюдая вблизи богатых мальчиков, он усваивал манеры высших классов. Он упорно работал, чтобы опередить их в учебе, превзойти в дебатах с помощью логики и остроумия. Он подражал их лучшим качествам, отбрасывая фатовские манеры, он погружался в искусство, музыку и поэзию, чтобы скрыть свое скромное происхождение. Юноша с ограниченными возможностями среди американской элиты,

неотесанный провинциал с еврейскими манерами, он страстно подражал лучшим образцам йельского сословия», – писал о нем историк И. Эванс.

К середине второго года обучения Иуда стал одним из лучших в классе. Об этом свидетельствуют сохранившиеся письменные отзывы классных наставников. Юношу ожидало прекрасное будущее. Но в Чарльстоне случилось непоправимое – отец бросил семью. Обстоятельства семейной драмы остались нераскрытыми: Филипп Бенджамин уехал из Чарльстона, и Иуда никогда больше не упоминал о нем. Ребекка была не в состоянии платить за учебу сына – один год в университете стоил немыслимые для иммигрантской семьи деньги: шестьдесят четыре доллара тридцать два цента. Со слезами на глазах, никому не объясняя причин, юный Бенджамин покинул Йель.

В его жизни будет много потерь и разочарований. Однако в шестнадцать лет Иуда принял окончательное и одно из самых важных в своей судьбе решений: он задумал уехать в Луизиану, в Новый Орлеан – город, где его никто не знал и где он мог начать все сначала, без оглядки на прошлое. Ребекка тайком положила в вещи сына истрепанный молитвенник.

Законы и сахар

Бенджамин приехал в Новый Орлеан в 1828 году с пятью долларами в кармане. Деньги на пароход были взяты в долг у мужа старшей сестры. Ребекку этот город страшил своей сомнительной репутацией, но она понимала, сколь тяжело будет сыну обретаться в Чарльстоне, вернувшись к рутине маленькой фруктовой лавки.

Новый Орлеан был самым колоритным местом в тогдашней Америке, где буквально из воздуха делались состояния, которые затем, случалось, просаживались за одну ночь в карточной игре или терялись в рискованных морских предприятиях. Здесь находили пристанище путешественники, торговцы, авантюристы, коммерсанты. На рынках Нового Орлеана продавались пряности из Китая и тиковое дерево из Африки, китовый жир из Северной Атлантики и ром из Ямайки. Отсюда вверх по реке Миссисипи протянулись пароходные линии, столь ярко описанные Марк Твеном и Майн Ридом. Здесь не слишком интересовались религиозной принадлежностью, и человек с умом и

способностями мог рассчитывать на удачу.

Основанный французскими колонистами в 1718 году, город был назван в честь герцога Филиппа Орлеанского, тогдашнего регента Франции при малолетнем Людовике XV. На протяжении последующих ста лет город переходил от французов к испанцам и обратно, что обусловило своеобразие его культуры. Правительство Наполеона продало Соединенным Штатам огромные территории Луизианы в 1803 году. Но еще долго европейцы, посещавшие город, не могли отделаться от ощущения, что находятся в Старом Свете. Узкие улочки Нового Орлеана, застроенные домами французского типа с черепичными крышами и узорчатыми балконами, служили прекрасным обрамлением цветущей утонченной культуры выходцев из латинских земель.

Все это совсем не походило на пуританский Йель: иллюзию южного города Франции усиливали наряды и манеры женщин, а также особый «раблезианский» дух Нового Орлеана. Здесь не закрывались по воскресеньям лавки, салоны и увеселительные заведения. Ни в одном американском городе не существовало в те годы такого обилия частных театров, казино и притонов. Новый Орлеан даже не пытался скрыть свои пороки: здесь любили, танцевали и дрались на дуэлях.

Бенджамин, поселившийся в крошечной каморке, поначалу перебивался случайными заработками – от нескольких дней до нескольких недель. В конце концов, он нашел не слишком хорошо оплачиваемую, но постоянную работу в одной из нотариальных контор. Тут он впервые познакомился с основами делопроизводства, ведения бизнеса, страхования имущества. Ему предстояло изучить не только американское законодательство, но и действовавшее в Луизиане римское право в виде старинного испанского законодательства и французского Гражданского кодекса. Молодой человек, схватывавший на лету сложности коммерческого права, мог вполне рассчитывать на успешную юридическую карьеру. Пока же приходилось подрабатывать репетиторством в зажиточных семьях Нового Орлеана.

Огюст де Сен-Мартин, один из представителей франкоязычной городской элиты, нанял юношу с хорошими рекомендациями для занятий английским со своей дочерью. Обучение должно было быть обоюдным: согласно договору между молодыми людьми, мадемуазель Сен-Мартин в свою очередь обучала будущего адвоката французскому. Иуда делал несомненные успехи, впитывая, как губка, вместе с языком, новый для него рафинированный мир французской культуры.

В Новом Орлеане в ту пору, согласно историку М. Райвеллу, было всего семьсот жителей еврейского происхождения при общем населении города в 50 тысяч. Всего четыре семьи соблюдали религиозную традицию кашрута и лишь две – Субботу. Местный раввин был женат на католичке. Ребекка не зря опасалась за увлечения сына в «городе греха».

Натали Сен-Мартин было шестнадцать лет, возраст замужества по старой французской традиции. Невысокая, великолепно сложенная темноволосая красавица с голубыми глазами, обладала, по словам современников, живым нравом и «голосом примадонны». Родители вполне могли рассчитывать на выгодную партию среди новоорлеанского высшего общества.

Двадцатилетний Бенджамин засиживался в нотариальной конторе глубоко за полночь. Здесь пахло чернилами и пыльными переплетами старых законодательных фолиантов. Откуда-то издалека доносился аромат цветущих магнолий и звуки ночной фиесты, а совсем рядом светились окна в доме на улице Конде, где жила Натали, первая красавица Нового Орлеана. Между ними лежала глубокая пропасть, которую он надеялся преодолеть, изучив эти многотомные правоведческие труды.

Встревоженные Огюст и Франсуаза не раз обсуждали проснувшийся у дочери интерес к занятиям английским, не подкрепленный к тому же успехами в грамматике и чтении. Бенджамин был иноверцем и плебеем без связей и состояния. Но в Натали заговорило ее врожденное упрямство. Она умела настоять на своем: этот молодой человек небогат и ниже по положению в обществе, но он, как никто другой, подает большие надежды.

В конце 1832 года Бенджамин успешно сдал экзамен по юриспруденции и был принят в коллегию адвокатов Луизианы. Спустя два месяца, 12 февраля 1833 года, состоялось бракосочетание Иуды Бенджамина и Натали Сен-Мартин. Родители невесты поначалу хотели, чтобы Бенджамин перешел в христианскую веру, но тот отказался. Ребекка в свою очередь не одобрила брака с католичкой и на свадьбу не приехала.

Карьера Бенджамина начиналась вместе со стремительным ростом и развитием страны. Его молодость совпала с исторической молодостью американской республики, ее становлением и триумфом. С 1812 по 1850 годы площадь доступных для заселения земель к западу от реки Миссисипи увеличилась почти до размеров европейского континента. Эта земля обетованная, как никогда

раньше, казалась огромной театральной сценой, где предстояло развернуться грандиозным событиям. В «Философии истории» Гегель еще в 1823 году писал об Америке, как о «стране будущего, в которой впоследствии раскроется смысл мировой истории».

Политическая карта страны менялась на глазах одного поколения – в первой половине XIX столетия в Союз были приняты пятнадцать штатов. Сюда зачастили путешественники-иностранцы: еще вчера казавшаяся тихой колониальной заводью, молодая республика стала примером быстрого прогресса в сельском хозяйстве и торговле, в развитии политических институтов. В Новом Орлеане росли, как на дрожжах, коммерческие фирмы, верфи, конторы, банки. Население города удваивалось каждые десять лет. За кипами хлопка, тюками табака, мешками риса, бочками сахара и патоки в американских портах угадывалась будущая экономическая мощь Соединенных Штатов. Новый Орлеан все более становился «воротами Юга» в его экспансии на запад – в Техас, Нью-Мексико, южную Калифорнию.

Молодой адвокат Бенджамин по-прежнему много работал ночами. Он выигрывал в суде дела, которые другие адвокаты даже не принимали к рассмотрению. Стремительно росла его юридическая репутация, чему способствовал выход в свет первой книги Бенджамина. Два года напряженного труда потребовали анализа более шести тысяч судебных дел: «Свод законодательных решений Верховного суда Луизианы», вышедший в 1834 году, стал настольной книгой для юристов штата. В ту пору Иуде было всего двадцать три года.

Обаятельная и беспечная Натали была истинной южанкой – с врожденной грацией, элегантностью и умением подчинять себе мужчин. Она не ошиблась в выборе супруга, готового удовлетворять ее запросы. Успешная практика Бенджамина – одного из лучших специалистов Луизианы в области коммерческого права – позволяла ей не отказывать себе в нарядах из Парижа, драгоценностях и увеселениях. Натали мало интересовалась делами мужа. Так, стремление Бенджамина заниматься местной политикой представлялось ей больше как возможность присутствовать на балах у губернатора и флиртовать с поклонниками из «золотой молодежи».

Франкоязычная элита Луизианы гордилась своим эпикурейством, изысканным этикетом и верностью традициям. Весь Новый Орлеан ходил в оперу. В вечер открытия сезона вдоль Странд-стрит, где находился оперный театр, выстраивалась вереница экипажей. В знаменитом Французском квартале все

было близко, и в обычные дни прогулка пешком вдоль бульвара, доставляла большое удовольствие. Но неписаным правилом высшего света считался выезд на премьеру в экипаже. Лакированные кареты с впряженными породистыми лошадьми подолгу простаивали в очереди на подъезде к театру.

Войти в мир политической элиты Луизианы означало, прежде всего, быть успешным плантатором. Годовой доход Бенджамина превышал сто тысяч долларов, что позволило ему купить одну из самых больших сахарных плантаций штата. К этому времени зрение его стало сильно сдавать – сказались многолетние ночные сидения с книгами. Но теперь Иуда мог позволить себе иной образ жизни.

Имение Бельшас в нескольких милях от Нового Орлеана вниз по течению Миссисипи казалось воплощением мечты. Старый дом с великолепным садом и подъездной аллеей из вековых дубов был окружен бескрайними зеленеющими лугами высокого тростника с белыми султанами. Сахар из него получали в жидком виде, а затем сироп перерабатывали в рафинад. Побочным продуктом была патока, идущая на производство рома и тростникового вина, которое приготовлялось из смеси забродившего сиропа с ананасным и апельсиновым соком.

Новый хозяин без колебаний снес старый дом, чтобы на его месте возвести просторный особняк, достойный будущих наследников рода Бенджамина. Квадратный в плане усадебный дом с опоясывающей его по периметру верандой насчитывал двадцать комнат с великолепной отделкой. На кухне никогда не знали, сколько ожидать гостей к воскресному столу. Иуда Бенджамин регулярно давал званые обеды, а то и балы, и тогда распахивались двери, соединявшие гостиную со столовой, на лестницу выходили слуги со струнными инструментами, зажигались все канделябры, и среди этого изобилия ароматов и музыки царила первая красавица Натали.

К новому делу своей жизни Бенджамин отнесся с не меньшим энтузиазмом, чем к юриспруденции. На его плантации работало сто сорок чернокожих рабов и восемь белых европейцев, специально приглашенных руководить производством сахара. Сам Иуда штудировал научные издания и периодику по сельскому хозяйству и даже совершил вояж во Францию для встречи с химиком Рилье. Молодой плантатор внедрил принципиально новую технологию получения чистого сахара – выпаривание сиропа в вакууме.

Иуда Бенджамин не в первый раз сталкивался с рабовладельческой системой, глубоко укоренившейся на американском Юге. В качестве приданого от родителей жены к нему перешли две служанки-мулатки. Отношения между белой и черной расами на Юге представляли собой запутанный клубок политических, религиозных и этических установлений и предрассудков: от традиционной патерналистской модели «родители – дети» до животного ужаса перед «варварской расой», практикующей каннибализм, языческий культ Вуду и человеческие жертвоприношения.

Среди самых сильных детских воспоминаний Иуды – ряды виселиц с мятежными рабами. В 1822 году в Чарльстоне, совсем неподалеку от дома Бенджаминов, был обнаружен тайник с оружием. В заговоре под руководством освобожденного раба Денмарка Веси участвовало несколько сотен чернокожих. По условному сигналу они должны были захватить арсенал и начать «убивать всех белых в городе, насиловать женщин, грабить банки и сбежать на корабле в Сан-Доминго, предварительно предав город огню». Тридцать девять рабов были повешены в Чарльстоне в назидание остальным, и эта сцена осталась в памяти одиннадцатилетнего Иуды. В Новом Орлеане проживало много беженцев с островов Вест-Индии, и у всех на слуху были жуткие истории о восстании чернокожих в Сан-Доминго, где зверская расправа постигла белое население острова.

В 1842 году Бенджамин участвовал в качестве защитника в одном из самых известных судебных процессов того времени – деле о бриге «Креол». Этот корабль перевозил партию рабов из Вирджинии в Новый Орлеан. В море невольникам удалось поднять мятеж, ранить капитана и силой заставить его и команду взять курс на Вест-Индию. Судовладельцы из Вирджинии возбудили иск о возмещении ущерба к одной из страховых компаний Нового Орлеана. Дело слушалось в Верховном суде штата Луизиана. Речь, произнесенная тогда Бенджамином, вошла в судебные анналы Америки. Он обвинил судовладельцев в жестокости по отношению к невольникам. Один из его пассажей впоследствии был опубликован и циркулировал по всей стране: «Что есть раб? Это человеческое существо. У него есть чувства и разум. Его сердце, как и сердце белого человека, переполняется любовью, сгорает от ревности, ноет от печали, тоскует от стеснений и неудобств, жаждет мщения и лелеет мечту о свободе. Его чувства и эмоции могут не быть столь яркими и тонкими, как у белого человека, и его разум не так остр, но у него есть чувства и страсти, которые более неистовы и, поэтому, еще более опасны, ибо ум его сравнительно слаб и не просвещен. Он склонен к мятежу, принимая во внимание характер раба и те особые страсти, порождаемые его природой, усиленные образом его жизни; он

даже готов завоевать свою свободу, где представится такая возможность».

Тогдашний мир плантаций был во многом схож с укладом русской усадьбы первой половины XIX века, его утонченной дворянской культурой – и крепостным правом. Иуда Бенджамин правил на своей плантации широко и гуманно. Американский историк Пирс Батлер, выпустивший в 1906 году биографию Бенджамина, разыскал в те годы двоих последних бывших рабов с плантации Бельшас. По словам Батлера, они сохранили лишь «добрую память» о своем хозяине и множество «романтических легенд» вроде истории о двухстах серебряных долларах, которые Бенджамин добавил в медь для колокола, оповещавшего о прибытии в Бельшас каждого гостя. Просвещенный южанин, либерал – большего вряд ли можно было требовать от выходца из рабовладельческих штатов США, где уклад жизни и мораль сформировались еще в колониальные времена, поддерживались почти всеми слоями общества и освящались законами и церковью.

Имение Бельшас, детище Иуды Бенджамина, было подобно миру грез. Он любил замирающий вечер, когда из-за темнеющих вдали деревьев поднималась луна, и свет ее серебрил ленивые воды реки. Воздух был неизменно благоуханным: в саду высаживались всевозможные цветы и ароматные кусты чайной оливы. Но Натали скучала в этом раю. Ни рождение дочери, ни местные увеселения не могли удовлетворить ее тягу к светской жизни. Она не была создана для жизни в деревне, среди сахарного тростника. Капризы французской моды и последние парижские сплетни интересовали ее гораздо больше, чем агротехника и дренажные системы, цены на патоку, виды на погоду и урожай. Натали по-прежнему видела себя в центре кружка красивых мужчин, каждый из которых молил вписать его имя в ее бальную книжечку.

В 1843 году Иуда Бенджамин получил первый приз сельскохозяйственного общества Луизианы. Со всех концов штата к нему приезжали плантаторы, чтобы ознакомиться с новыми методами производства и очистки сахара. Невиданный доселе в сельском хозяйстве Юга паровой двигатель приводил в движение отжимный пресс и систему вакуумных бойлеров. В те времена сахар выпускался в виде больших «голов». Затем, уже на кухнях, их раскалывали специальными инструментами (отсюда пошло выражение «битый сахар»). Бенджамин опубликовал серию статей по агротехнике и агрохимии в научно-популярных изданиях Луизианы, получившей в ту пору прозвище «сахарный штат». Впоследствии историк Р. Остервайс несколько высокопарно охарактеризовал

деятельность Иуды в Бельшасе: «За популяризацию научных знаний и большой вклад в огромную индустрию Бенджамин заслуживает почетное место в сельскохозяйственной истории Соединенных Штатов».

«Маленький еврей», как называли его некоторые из современников, увлечен и политикой, этим традиционным для джентльмена-южанина занятием. В 1842 году он был избран в палату представителей штата, где смог провести закон, запрещавший тюремное заключение за долги. Он был среди учредителей государственного университета Луизианы. Вряд ли Иуда Филипп Бенджамин мог предположить тогда, что стезя политика спустя два десятилетия сделает его государственным преступником, «Иудой Америки», который, как беглый раб, будет скрываться под чужим именем в болотах американского Юга.

Дуэль в Сенате

Маленький человек остался один в пустом громадном доме. В зеркалах отражались предметы роскоши, которые еще больше напоминали хозяину о его унизительном поражении. Где-то за вечерними лугами запел пересмешник и вскоре из ветвей магнолии отозвался другой. Натали больше не вернется в Бельшас. Стены еще хранили воспоминания о том сладком упоении, скоротечном, как цветение жимолости и пряном, как запах духов в ее спальне. В 1844 году Натали покинула Бенджамина и отправилась с дочерью Нинет во Францию. Светское общество свято соблюдало правила хорошего тона: никто не спросил мистера Бенджамина, когда супруга вернется из Парижа.

Иуда постарался заполнить пустоту, возникшую после отъезда семьи. Он пригласил в Бельшас мать и овдовевшую старшую сестру с дочерью, чтобы скрасить свое одиночество и вдохнуть новую жизнь в усадьбу. Но за первым ударом последовал второй. Сильнейшее наводнение на Миссисипи в 1846 году погубило весь урожай, запасы семян и подпортило дом. Вода плескалась на ступенях усадьбы. Все многолетние вложения погибли. В довершение к этому, деловой партнер объявил о банкротстве. Из дружеских чувств Иуда поставил свою подпись на долговом поручительстве на шестьдесят тысяч долларов, которое его партнер оказался не в состоянии оплатить. Бенджамин снова терял почву под ногами. Глядя на разрушенный Бельшас, он знал, что сюда уже никогда не вернется.

Трудности как будто делали Иуду сильнее: так было в Чарльстоне и Йеле; так было и в Луизиане. Бенджамин продал плантацию и снял жилье для своих близких в пригороде Нового Орлеана, а сам перебрался в холостяцкую квартирку во Французском квартале. Жизнь предстояло начинать сначала.

Он вернулся к адвокатской практике. В Луизиане в то время не было недостатка в квалифицированных специалистах по коммерческому праву: Новый Орлеан, четвертый по величине город в США и крупнейший порт Юга, стал центром деловой активности «страны Дикси», как южане называли свои земли. Но именно в этой сфере – торговые счета и страховки, контракты и кадастры, рента и аккредитивы, векселя и коммерческие иски – Иуде не было равных. Французский язык, которым Бенджамин владел в совершенстве, использовался в законодательстве Луизианы в той же мере, что и английский. Испанский, который он также знал блестяще, был не менее важным языком коммерции на юге и западе континента.

В 1848 году Иуда Филипп Бенджамин получил право представлять дела в Верховном Суде Соединенных Штатов. Его первым оппонентом на слушании в Вашингтоне оказался адвокат Дж. Блэк, один из самых известных юристов страны, будущий генеральный прокурор США. Очевидцы запомнили высказывание секретаря суда после выступления Бенджамина: «Блэк может снять лавры. Маленький еврей из Луизианы вышиб его дело».

От былого мальчишеского облика Иуды почти ничего не осталось – преуспевающий юрист, не лишенный вкуса в одежде, гурман и тонкий ценитель креольской и европейской кухни, он заметно прибавил в весе. Современники отмечали его блестящие светские манеры, интеллект и удивлявшие многих хладнокровие и выдержку, которые не изменяли ему ни при каких обстоятельствах.

Он вновь показал себя незаурядным предпринимателем. Теперь Бенджамина привлекла идея развития сети железных дорог, столь необходимых для экономического процветания Юга. Страна Дикси, привыкшая к патриархальному, размеренному образу жизни, заметно отставала от мануфактурного Севера в строительстве железных путей. Первым удачным проектом группы бизнесменов, в которую входил Иуда, стала прокладка колеи от Нового Орлеана до Джэксона, столицы штата Миссисипи. Последний рельс был уложен в 1858 году, и аристократы-плантаторы, привыкшие к неторопливым и комфортным путешествиям на пароходе по Миссисипи, с недоверием взирали

на свистящий чугунный локомотив, выбрасывавший снопы искр вместе со столбом дровяного дыма.

Сам Бенджамин жаждал куда большего. Во главе группы акционеров он вынашивал идею железнодорожной магистрали, которая начинаясь в долине Миссисипи, прошла бы через Техас и узкий мексиканский перешеек Теуантепек. Этот проект одно время соперничал с идеей строительства Панамского канала. В 1850 году Иуда выступил перед собранием акционеров: «Эта дорога перебрасывает нас сразу же через Мексиканский залив, через узкую полоску земли, которая отделяет Тихий океан от Атлантического… и если мы пересечем этот перешеек, что мы видим перед собой? Мир Востока! Торговля с ним делала из стран империи, и когда они лишались ее, то были словно пустая сума, бесполезные, ничего не стоящие. Эта торговля принадлежит Новому Орлеану».

1852 год стал вершиной его политической карьеры в Луизиане. Бенджамин принял самое активное участие в конституционном Конвенте в Новом Орлеане, выработавшем новую конституцию штата. Тогда же, опередив на выборах опытного луизианского политика С. Доунса, он был избран в Сенат США. Иуда Филипп Бенджамин стал первым в американской истории сенатором-евреем. Ребекке не суждено было порадоваться за сына – она ушла из жизни в 1847 году.

Посещавшие Америку в середине XIX века европейцы не раз отмечали, что Север и Юг в то время выглядели как две нации в состоянии глубокого конфликта. История регионального противостояния, расколовшего страну, иногда упрощенно сводится лишь к вопросу о рабстве. В основе «войны штатов» лежал обширный комплекс политико-экономических проблем. В обострявшейся схватке за власть промышленная и финансовая элита Севера явно одерживала верх. Аграрный Юг все острее чувствовал свое превращение во «внутреннюю колонию янки».

Страна Дикси производила в ту пору львиную долю национального богатства Соединенных Штатов. Табак, индиго, рис и сахар составляли немалую часть валового дохода. Но правил страной «Король Хлопок». Две трети мирового сбора хлопка приходилось на американский Юг. «Белое золото» доминировало и во внешней торговле США. Все текстильные мануфактуры Европы – от Манчестера до Москвы – работали на сырье, производимом в долине Миссисипи.

Юг растил хлопок, Север им торговал. Предприниматели Нью-Йорка клали в свой карман сорок центов прибыли с каждого «хлопкового доллара». При этом «земля Дикси» несла особое налоговое бремя. Промышленный Север вступил на путь протекционизма, устраняя европейских конкурентов высокими таможенными тарифами. Нуждавшийся в импорте Юг настаивал на свободной торговле. «Тарифы абсурда», как прозвали их южане, разоряли Дикси, зато служили интересам финансовой олигархии Севера.

Украшенный ложноклассическими драпировками зал Сената США превратился в арену регионального противоборства, самого длительного и ожесточенного за всю американскую историю. Юг нуждался в сильном голосе. Иуда Бенджамин, низкорослый провинциал среди «голубокровых» патрициев Капитолийского холма, постепенно завоевывал репутацию искусного оратора. Сохранились мемуары супруги сенатора-южанина Джефферсона Ф. Дэвиса: они встретилась с Иудой весной 1853 года на обеде в Белом доме, данном в честь новых конгрессменов. Столичная леди отметила, что поначалу Бенджамин «разочаровал» ее: невзрачный луизианец с сильно выраженными семитскими чертами лица. «Однако было бы трудно передать то впечатление, которое произвел на меня его голос, – вспоминала она, – словно серебряная нить вплелась в шумы в гостиной… С первой фразы, которую он произнес, он приковал к себе внимание аудитории».

История, не торопясь, расставляла главные фигуры будущей военной драмы. Через восемь лет сенатор Джефферсон Дэвис возглавит мятежные Конфедеративные Штаты и, после краха Юга, окажется в кандалах в крепостном каземате. Иуда Бенджамин в молодости мог встречать на улицах Нового Орлеана высокорослого Авраама Линкольна, перегонявшего плоты с грузами по Миссисипи. Оба плебеи с библейскими именами, познавшие нужду, сумевшие упорством и трудом выучиться юриспруденции, не слишком счастливые в браке с южанками, разными путями попали в Вашингтон. Одному выпадет стать президентом Соединенных Штатов и погибнуть в последние дни Гражданской войны. Другому – оказаться «Иудой Америки», которого обвинят в убийстве президента Линкольна.

В стенах Капитолия Бенджамин впервые столкнулся с Уильямом Генри Сюардом, который на годы стал его политическим визави. В сравнении с Иудой, Сюард был многоопытным государственным мужем: бывший губернатор штата Нью-Йорк, он в течение 12 лет занимал кресло сенатора в Вашингтоне. В нем видели наиболее вероятного кандидата на пост президента США. Умный и очень амбициозный

политик, Сюард выражал интересы промышленного лобби Севера и, в первую очередь, большого бизнеса Нью-Йорка. И он был одним из немногих политиков, к кому Иуда питал плохо скрываемую неприязнь.

Схватка двух сенаторов, Бенджамина и Сюарда, начиналась с полемики по поводу прав штатов. Юридически этот принципиальный спор выглядел как различное толкование федеральной Конституции. Американский Союз возник в 1776 году как добровольное объединение республик-штатов. Согласно «южной» точке зрения, штаты сохраняли за собой все те права, которые они не делегировали центру. Федеральная власть не могла нарушать фундаментальное право штатов на самоуправление – именно эту точку зрения отстаивал южанин Бенджамин со всем свойственным ему красноречием.

Политическая философия Дикси взросла на аграрной экономике. Юг, родина большинства «отцов-основателей» США, продолжал жить наследием века Просвещения. В частности, идея постепенной отмены многовекового института рабовладения – без развала экономики и социальных катаклизмов – занимала умы либеральных политиков Старого Юга. Консерваторы же в ответ вспоминали имя каретника Тревиса и 1831 год: в то лето страна с ужасом узрела кровавый призрак грядущих потрясений.

Небогатое семейство Джозефа Тревиса, каретных дел мастера из южной Вирджинии, содержало ферму, где бок о бок с несколькими чернокожими трудились и сыновья хозяина. Сами рабы признавали, что «мастер» был по-христиански милосерден. Его особым расположением пользовался тридцатилетний Нат Тернер, сын африканки и беглого раба, надзиравший за работами на ферме, если хозяин был занят. Рабы звали Тернера «Проповедником» – он был глубоко набожен и имел влияние на своих собратьев. Хозяин разрешил ему обзавестись семьей и поощрял его религиозное образование. В воскресенье 21 августа 1831 года, с наступлением темноты, «Проповедник» собрал «учеников» на очередное моление. Дух укреплялся не только проповедью, но и разрешенным по воскресеньям яблочным бренди. Нат Тернер поведал своим товарищам, что ему было видение в небесах, и Голос возвестил: «Кто был последним, станет первым». После чего семеро негров, вооруженных топором, проникли через окно в дом хозяина. «Проповедник» нанес первый удар, затем к расправе присоединились его «ученики». Джозеф с супругой даже не успели проснуться. Такая же участь постигла их сына, обучившего «Проповедника» грамоте, и шестнадцатилетнего подмастерья,

жившего с детьми Тревиса. Последним живым в доме оставался годовалый сын хозяина. Нат Тернер часто играл с ним, и рука его дрогнула. Другой раб размозжил голову младенца об угол камина.

Мятежники захватили несколько мушкетов, переоделись в одежды хозяев и украсили себя боевыми красными лентами. Когда в доме закончилась красная ткань, восставшие изготовили ленты из простыней и окрасили их кровью убитых. Затем отряд «Проповедника» отправился на соседнюю ферму, где жил шурин Тревиса с единственным слугой. Там им хватило несколько минут для расправы. Следующим на пути был дом вдовы Риз с сыном. Дверь в их доме не запирали на ночь. Единственным белым, кто смог уцелеть, оказался управляющий фермой. Искалеченный, он сумел сбежать под покровом ночи. На рассвете еще две близлежащие фермы превратились в кровавую баню. Здесь повстанцам удалось раздобыть виски и декорировать свою одежду серебряными украшениями. В отряде «Проповедника» было уже полтора десятка чернокожих.

К тому времени, как весть о мятеже стала распространяться по округе, Нат Тернер «навестил» еще несколько ферм на своем пути, оставив после себя обезглавленные и обезображенные трупы хозяев, главным образом женщин и детей. Лишь одной из девочек удалось спастись в лесу благодаря помощи чернокожей служанки. Некоторые из хозяев успели покинуть свои фермы и их рабы начали грабеж имущества. Капитан Бэрроу оборонял дом до последнего, дав возможность своей молодой жене со служанкой бежать через задний двор. Из уважения к его мужеству «Проповедник» с друзьями не осквернили тело – они лишь по очереди пили его кровь.

Банда на несколько часов задержалась на местной винокурне, что позволило белому населению эвакуировать сотни женщин и детей и организовать ополчение. Встретив вооруженный отпор, «ученики» Тернера пали духом и разбежались. Сам «Проповедник» поначалу избежал пленения и был пойман в лесах лишь через месяц.

Восстание Ната Тернера стоило жизни восьмидесяти белым фермерам (почти половина из них не имели рабов). Семнадцать мятежников были отправлены на виселицу. В стране Дикси предпринимались чрезвычайные меры безопасности. Все взрослое белое мужское население поголовно вооружалось. Запретили или сильно ограничили существовавшие ранее формы социальной жизни чернокожих. Идеи либерализма больше не были в чести на Юге. Многим тогда приходила на ум знаменитая фраза Т. Джефферсона: «Рабовладение сходно с

удерживанием волка за уши; это опасно, но еще страшнее его отпустить».

Покуда южане тешили себя патриархальными иллюзиями, «страна янки» переживала невиданный всплеск реформаторства. Истеричные утописты на Севере вели борьбу за бесконечные реформы: общества трезвости добивались введения «сухого закона» (закон был одобрен в 13 штатах), другие общества ратовали за пацифизм и брачную реформу. На Севере возникли и получили заметное влияние многочисленные религиозные секты и течения, вроде антимасонской партии или националистической партии «ничего не знающих». В 1857 году Фридрих Зорге (дед известного советского разведчика Рихарда Зорге) основал в Нью-Йорке Пролетарскую лигу. Но особой, фанатичной непреклонностью отличались радикалы-аболиционисты (от латинского слова «abolitio» – «отмена», «уничтожение»), вкладывавшие в идею «немедленного освобождения рабов» весь нерастраченный пуританский пыл.

Сенатор Бенджамин вместе с другими лидерами Дикси, по сути, держал «интеллектуальную оборону». Его политические противники, исчерпав в ходе сенатской дуэли «парламентские» доводы, позволяли себе замечания в адрес его еврейского происхождения. Чаще всего он игнорировал подобные выпады с «постоянной улыбкой сфинкса». Известен лишь один случай, когда Иуда резко ответил на язвительную реплику сенатора Б. Уэйда, ярого аболициониста из штата Огайо. В накаленной атмосфере споров о рабстве Уэйд, намекая на древнюю историю евреев, назвал противника «израэлитом с египетскими принципами». Ответ Бенджамина звучал так: «Это правда, что я еврей, и когда мои предки получали свои Десять заповедей из рук Всевышнего на горе Синай, предки моего оппонента бродили стадом в британских лесах».

Много лет спустя сенатор Джордж Вест вспоминал, как он однажды спросил Денниса Мерфи, официального репортера в Капитолии в течение 40 лет, кто, по его мнению, был наиболее ярким оратором в Сенате. Мерфи ответил без колебаний: «Иуда Филипп Бенджамин из Луизианы». Отрывки из речей Бенджамина часто печатали столичные газеты. Даже недоброжелатели признавали логическую силу его аргументации. Его имя вошло в известное издание «Лучшие ораторы мира». Все чаще Бенджамина стали упоминать в качестве кандидата на различные влиятельные посты. Ему прочили кресло в Верховном Суде США.

8 июля 1858 года Сенату предстояло обсудить текущие вопросы, связанные с финансированием армейского вооружения. На замечания коллег отвечал глава военного комитета, сенатор от штата Миссисипи Джефферсон Ф. Дэвис. Дискуссия выглядела вполне рядовой и будничной, пока не подошла очередь Бенджамина задавать вопросы. Профессиональный военный, герой мексиканской компании Дэвис с трудом сдерживал раздражение, отвечая дотошному «непрофессионалу». Взрывной темперамент Дэвиса, подогретый подчеркнуто невозмутимой манерой Иуды вести дискуссию, привел к обмену колкостями. Сенатор Дэвис, возвращаясь на свое место, назвал Бенджамина «заказным адвокатом». Тот взял листок бумаги и набросал несколько строк. Для окружающих смысл его действий был очевиден: неписаные законы того времени требовали, чтобы джентльмен защищал свою честь на дуэли. Сенатор Дж. Байярд, секундант Бенджамина, передал Дэвису в конце дня письменное требование сатисфакции.

XIX столетие в США с полным правом можно назвать «веком дуэлей», несмотря на то, что поединки почти повсеместно находились под запретом. В среде плантаторской аристократии Юга культивировался особый «кодекс чести», строго регламентировавший правила поведения в высшем обществе. На дуэлях дрались конгрессмены и юристы, офицеры и газетные издатели. Губернатор Южной Каролины Джеймс Гамильтон был знаменит тем, что четырнадцать раз выходил на поединок и всегда наносил ранение сопернику. Излюбленным местом для дуэлей столичных политиков было поле в Блейденберге (штат Мэриленд), в пяти милях от Вашингтона. Так обходили формальный запрет на поединки в столице.

Трудно представить, о чем думал Иуда Бенджамин, ожидавший ответа Дэвиса. Многим тогда приходила на ум историческая параллель с другой известной американской дуэлью. В 1804 году на берегу Гудзона стрелялись первый американский министр финансов, один из «отцов-основателей» страны Александр Гамильтон и вице-президент США Аарон Бэрр. Они были почти ровесниками – Гамильтон и Бенджамин – оба безродные выходцы с Виргинских островов, сделавшие блистательную политическую карьеру в Соединенных Штатах. Первый же выстрел Бэрра оборвал жизнь «финансового гения Америки».

Особый драматизм сенатского конфликта заключался в том, что Иуда Бенджамин был близорук и никогда не держал в руках пистолета или шпаги. Полковник Дэвис слыл прекрасным наездником и стрелком. За ним, согласно

дуэльному этикету, осталось право выбора оружия и условий поединка. Сценарий дуэли нетрудно было предугадать: самым благоприятным ее исходом могло стать публичное унижение Бенджамина. В Вашингтоне кто с сочувствием, кто со злорадством представляли поединок между гигантом Дэвисом и коротышкой из Нового Орлеана. Однако герой Буэна-Висты Джефферсон Дэвис также был южанином-джентльменом. На следующем же заседании в Капитолии он попросил слова, встал и принес публичные извинения сенатору Бенджамину. Иуда поднялся со своего места и протянул Дэвису руку. В Сенате раздались аплодисменты.

Несостоявшаяся дуэль позволила двум политикам оценить личное мужество друг друга. С этого дня зародилась взаимная симпатия, переросшая позднее в дружбу будущего президента Конфедеративных Штатов Америки и его государственного секретаря, дружбу, оказавшую столь значительное влияние на ход американской истории.

Разрушенный дом

К концу первого сенаторского срока Иуда Бенджамин сделал попытку восстановить семью. Он был однолюбом – историки не смогли обнаружить никакой другой, близкой ему женщины. Вновь и вновь шли письма во Францию – там жили по-прежнему прекрасная и легкомысленная Натали, и дочка Нинет, его маленький парижский ангел, не знавшая ни слова по-английски. Только в течение одного месяца в году, во время летних каникул в Сенате, Бенджамин мог навещать жену и дочь за океаном, но все эти годы он их обеспечивал матер иально.

Свою корреспонденцию Иуда впоследствии полностью уничтожил. В руки историков попал лишь не сгоревший клочок письма из Парижа с единственной фразой Натали. Впрочем, эта фраза, написанная по-французски, выглядит красноречивее многих длинных посланий. «Не говори со мной о моих больших тратах, – писала Натали, – это слишком скучная для меня тема».

Все предшествовавшие годы Бенджамин доказывал этой женщине, как много он был способен сделать для нее и дочери – совладелец одной из самых авторитетных юридических фирм, перспективный бизнесмен и восходящая

звезда американской политики. Натали, в конце концов, оценила его усилия и согласилась переехать в Вашингтон. Кресло мужа-сенатора на Капитолийском холме открывало перед «столичной дамой» заманчивые перспективы.

Новый семейный очаг Бенджамина должен был удовлетворить самый взыскательный вкус. Трехэтажный особняк на площади Лафайет, неподалеку от Белого дома, считался одним из лучших зданий в городе. Построенный в 1819 году по проекту Б. Латроба – первого архитектора Капитолия США, – дом служил в прошлом резиденцией нескольких государственных секретарей и послов европейских стран. К приезду жены и дочери Иуда Бенджамин истратил тысячи долларов на украшение особняка. В доме сенатора появились английское серебро и фарфор, голландская живопись, французская мебель, бронза и гобелены и, конечно, слуги, говорившие по-французски и знакомые с парижской кухней и этикетом.

Столица Соединенных Штатов в те времена вызывала у европейцев снисходительную улыбку. Непролазная грязь повсюду и строительные леса были первым впечатлением приезжающих в Вашингтон. Молодой нации едва исполнилось восемьдесят лет, и еще живы были многие, кто помнил на месте федеральной столицы обширное болото. На плохо вымощенной Пенсильвания-авеню, проложенной от Капитолия к Белому дому, добротные особняки соседствовали с жалкими лачугами. Мраморные постройки в стиле классицизм стояли бок о бок с коровниками и свинарниками. Тридцать семь церквей различных конфессий состязались с еще более многочисленными кабаками и притонами. Здесь звучали все американские диалекты, бывшие в ходу на территории от Луизианы до Мэйна, – протяжная южная речь, гнусавый говор янки, грубоватый жаргон Запада.

Вашингтон оставлял впечатление чего-то незаконченного, особенно Капитолий, с его темным деревянным куполом и недостроенными крыльями. Еще большее ощущение незавершенности и неустойчивости являла картина политической жизни страны. Два несхожих общества, две культуры и два различных видения будущего противостояли друг другу в рамках Союза штатов. Север, опираясь на банковский капитал, центральную власть и прикрываясь лозунгом борьбы против рабства, стремился к экономическому подчинению Дикси. Юг боролся за свои права и, в конечном счете, за свою политическую независимость. Дальновидный У. Сюард даже произнес слова о «неразрешимом конфликте».

Сенатор из жаркой Луизианы принадлежал к умеренному крылу политиков Дикси: он стоял за урегулирование конфликта на конституционной основе, чтобы избежать раскола страны. Но радикалы с обеих сторон не желали компромисса. Все чаще аболиционисты призывали к «крестовому походу» против Юга. Горячие головы среди южан все настойчивее требовали сецессии – выхода из федерального Союза.

Тем временем образ жизни Натали Сен-Мартин стал излюбленной скандальной темой среди высшего вашингтонского общества. Сплетни об «экстравагантном поведении» супруги сенатора Бенджамина быстро поползли по столице. История о ее связи с молодым красавцем-офицером из прусского посольства охотно обсуждалась на каждой вечеринке, концерте или спектакле. В итоге, спустя всего несколько месяцев после возвращения в Америку, неверная жена, теперь уже навсегда, уехала с дочерью в Париж.

Бенджамин бросил дом и переехал к друзьям. Все недавно купленное имущество он выставил на аукционную распродажу. Даже видавшие виды эксперты-искусствоведы были поражены качеством представленных художественных произведений. Весь столичный бомонд ходил на площадь Лафайет прицениться или просто поглазеть на полный диковинок особняк, покинутый своими хозяевами.

Иуда как мог залечивал рану. В то время он был частым посетителем Библиотеки Конгресса (сохранился формуляр с длинным списком его заказов). Лучшими собеседниками сенатора в ту пору стали античные философы и историки. Из современной ему английской литературы он предпочитал элегии А. Теннисона.

29 ноября 1859 года Иуда Бенджамин был переизбран на второй срок в Сенат. Спустя три дня в Вирджинии повесили Джона Брауна. Конь Бледный, верхом на котором восседала Смерть Союза, появился в старейшем американском штате. Религиозный фанатик-аболиционист Джон Браун считал себя посланцем Бога на земле. Отец двадцати детей, неудачник в бизнесе, он пережил ряд банкротств в шести штатах и большую часть жизни провел в бегах, спасаясь от кредиторов. Своей главной целью Браун считал освобождение рабов через вооруженное восстание. Его отряд стал известен своими зверствами в Канзасе. Однажды на вопрос, зачем его сообщники убивают даже детей, он ответил: «Из гнид вырастают вши». В ночь на 16 октября 1859 года семнадцать белых и пять чернокожих под командой Брауна пересекли границу Вирджинии и захватили

армейский арсенал в городе Харперс-Ферри. Отсюда они рассчитывали повести восставших рабов далее на юг.

Первой жертвой «освободителей» оказался чернокожий обходчик железной дороги, попытавшийся поднять тревогу. Затем они захватили несколько заложников, среди которых оказался Луис Вашингтон, потомок первого президента США. Браун вооружился шпагой, отобранной у пленника – подарком прусского короля Фридриха II Джорджу Вашингтону. Более суток арсенал и заложники находились в руках Джона Брауна, но рабы не поддержали его. Местное ополчение и подоспевшие в Харперс-Ферри федеральные войска блокировали мятежников. Морская пехота под командованием полковника Роберта Ли штурмовала арсенал. Двое сыновей Брауна были убиты, а сам он после ранения взят в плен.

Суд и многочисленные расследования прессы и сенатского комитета подтвердили самые худшие опасения южан: рейд Джона Брауна не был одиночной вылазкой банды фанатиков – он готовился на деньги бостонских и нью-йоркских радикалов. Энтузиасты с Севера финансировали и другие авантюры в землях Дикси. «Вот он, неразрешимый конфликт Сюарда и аболиционистов в действии», – писали газеты Юга.

На Севере Брауна превозносили как героя и мученика. Прямо с виселицы он шагнул в сонм святых и боевые марши недалекого будущего. Стала широко известной его предсмертная записка: «Я уверен, что преступления этой греховной страны могут быть смыты только Кровью». На Юге жестокий безумец вызвал в памяти мятежи с горящими плантациями и растерзанными телами фермерских жен и детей на пороге разграбленных домов. Страх расползался во мраке южных ночей. В некоторых штатах вновь началось поголовное вооружение белого мужского населения. За три дня Джон Браун преуспел в том, что не удавалось сделать южным сепаратистам на протяжении тридцати лет. Обе части некогда единой страны разделила глубокая пропасть недоверия и враждебности.

Так завершалось бесславное президентство Дж. Бьюкенена, не сумевшего предотвратить раскол страны. Глубокий кризис переживала и возглавляемая им Демократическая партия, с которой связал свою политическую судьбу Иуда Бенджамин. Разлад среди демократов был столь глубоким, что на выборах 1860 года каждая из фракций выдвинула своего кандидата в президенты США. Так пришло время Авраама Линкольна, долговязого провинциального адвоката с

грубоватыми манерами, ставшего лидером новой Республиканской партии.

«Странные и противоречивые элементы собрались со всего света, и создали могущественную партию, в которой соединились молодость, различные программы, религиозные фанатики, доморощенные философы и честолюбивые политические деятели. Влиятельные группы промышленников, железнодорожных магнатов и финансистов пришли к выводу, что это многообещающая партия», – писал историк Карл Сэндберг. Вождем республиканцев считался Уильям Сюард, уже примерявшийся к роли хозяина Белого дома. Но партийный конвент в 1860 году его не поддержал: политические дельцы, контролировавшие съезд, знали, что сенатор Сюард человек слишком опытный и самостоятельный.

Пятидесятилетний Авраам Линкольн был малоизвестным юристом из западного штата Иллинойс. Он несколько раз терпел неудачу на местных выборах. Программа будущего президента была расплывчатой. Сильную федеральную власть и протекционистский тариф он считал панацеей от всех бед. Линкольн называл рабовладение моральным злом, но относился к неграм как к чужеродной расе, подлежавшей выселению на прародину в Африку. «Освободить их и сделать равными нам в политическом и социальном отношении? – восклицал Линкольн на одном из митингов, – Мои чувства против этого». В 1858 году, во время предвыборных дебатов в Иллинойсе, Линкольн говорил: «Я никогда не был склонен делать из негров выборщиков или присяжных, предоставлять им должности или разрешать им браки с белыми людьми… Я, как и любой другой, сторонник превосходства белой расы». Слова «умеренного» Линкольна, типичные для той эпохи, сегодня звучат как речи ультрарасиста.

На президентских выборах 1860 года Авраам Линкольн оказался кандидатом меньшинства. Он набрал менее 40 % от общего числа голосов. В южных штатах его имя даже не появилось в избирательных бюллетенях. Но раскол Демократической партии и разброс голосов между тремя другими кандидатами обеспечили Линкольну победу. Густонаселенные штаты Севера, куда шел основной иммиграционный поток, уже преобладали в Конгрессе. Теперь же голосами коллегии выборщиков хрупкое политическое равновесие между Севером и Югом было окончательно разрушено.

Во время выборов Бенджамин отсутствовал в столице. Он был в Калифорнии, где возглавлял работу сенатской комиссии по свободным землям. Возвратился он в совсем другую, уже расколотую страну. Чарльстон, город детства Иуды, первым заявил о выходе из федерального Союза: 20 декабря 1860 года Конвент Южной Каролины одобрил сецессию. В течение месяца с небольшим отделились еще шесть штатов – Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана и Техас.

В новогодний вечер 1860 года столичная публика и репортеры переполнили верхние галереи Сената. Иуда Бенджамин выступал с прощальной речью: «Нам говорят, что… Юг поднял восстание без причины и что его жители предатели. Восстание! Весьма точное слово для признания… Когда это, господа, миллионы людей, как один, организованно поднимали нарочито бесстрастное восстание против справедливости, истины и чести?..» Речь сенатора неоднократно прерывалась неистовыми аплодисментами, порядок среди публики восстанавливали с трудом. Иуда Бенджамин, обращаясь к своим коллегам-сенаторам от северных штатов, говорил о необходимости предотвращения братоубийственной войны: «Мы просим, мы умоляем вас: дайте нам уйти с миром. Я заклинаю вас не потакать иллюзиям, что моральный долг или совесть, выгода или честь навязывают вам необходимость вторжения в наши штаты и пролития крови. У вас нет для этого оправданий».

То было время, когда политические противоречия раскалывали семьи на всех социальных уровнях, когда близкие родственники оказывались по обе стороны баррикад. В еврейской семье Бенджамина Гемпа, мелкого производителя пеньки из Кентукки, один из сыновей ушел сражаться за «дело Юга», а другой погиб в армии северян. В семье Мэри Тодд Линкольн, жены президента США, ее младший брат Джордж и три сводных брата стали офицерами армии Дикси.

«Рассудительные и консервативные южане, – писал Бенджамин, – не в силах сопротивляться бурному потоку, смывающему все вокруг… Это революция,… причем самого неистового толка… которую усилия отдельных людей могут остановить с тем же успехом, что и лейка садовника – пожар в прерии». В подтверждение его слов, щеголяя в голубых кокардах, «якобинцы Дикси» распевали на улицах Чарльстона и Нового Орлеана «Южную Марсельезу».

4 февраля 1861 года сенаторы штата Луизиана И. Бенджамин и Дж. Слайделл официально сложили в Вашингтоне свои полномочия. Бостонская газета «Транскрипт» в начале 1861 года в редакционной статье «Дети Израиля» атаковала Бенджамина и евреев-южан за поддержку сецессии, а затем обвинила

в нелояльности всех евреев Соединенных Штатов. В самом начале войны одна из нью-йоркских газет утверждала, будто Иуду изгнали из Йеля за кражу денег у своих товарищей и что он остался должен университету шестьдесят четыре доллара тридцать два цента. Сенатор из Массачусетса Генри Вильсон (будущий вице-президент США) обвинил Бенджамина в «заговоре с целью расчленения Союза и свержения правительства принявшей его страны, дающей равенство в правах даже расе, которая побивала камнями пророков и распяла Спасителя».

Подобные настроения не были исключением. Будущий семнадцатый президент США Эндрю Джонсон говорил в личной беседе с сенатором Ч. Ф. Адамсом: «Этот отверженный Бенджамин! Он относится к стране и правительству как к старой одежде. Он продал старую одежду и продаст новую, если сможет на этом заработать два или три миллиона». «Иуда Америки» и его политические «тридцать сребреников» – такой образ Бенджамина не сходил с газетных полос в США.

Маленькая красивая война

День рождения первого американского президента с особым значением отмечали в феврале 1861 года в обеих частях некогда единой страны. Для Севера Джордж Вашингтон был «отцом-основателем» федерального государства, для Юга – национальным героем, поднявшим знамя борьбы против попираемых прав американцев.

4 февраля 1861 года в Монтгомери, столице штата Алабама, конвент отделившихся штатов провозгласил создание Конфедеративных Штатов Америки. В основе конституции нового государства лежала конституция США, однако главный акцент был сделан на «суверенитете и независимом характере» штатов. Специальной статьей запрещалась международная работорговля. 18 февраля президентом Конфедерации на единственный (шестилетний) срок был избран Джефферсон Ф. Дэвис.

Бенджамин в те дни находился в Новом Орлеане, где рассчитывал возобновить адвокатскую практику. Там же Иуду застала весть, что президент Дэвис желает видеть его в составе кабинета министров. Впоследствии Джефферсон Дэвис писал в мемуарах: «У мистера Бенджамина из Луизианы была очень высокая

репутация юриста и, будучи знакомым с ним в Сенате, я всегда отмечал его ясный ум и огромную работоспособность. Именно поэтому я предложил ему пост генерального прокурора».

По словам тогдашнего военного министра Конфедерации Л. Волкера, Бенджамин оказался «единственным здравомыслящим человеком» в составе кабинета. На первом же заседании Иуда предложил, чтобы правительство закупило как можно больше хлопка и отправило его в Европу, а также «немедленно приобрело 150 тысяч ружей, орудия и амуницию в счет этого хлопка».

К предложению «адвоката» никто не прислушался. В те дни всеобщей эйфории мало кто полагал, что страну ожидает длительная и жестокая война. Л. Волкер позднее признавался, что утверждал, будто сможет «вытереть своим носовым платком всю кровь, которую прольют в этой войне». И только когда Линкольн объявил морскую блокаду Юга, кабинет министров запоздало осознал свою недальновидность в первые месяцы существования Конфедерации.

Назначения в администрации Дэвиса оказались не слишком удачными. Сам президент впоследствии говорил, что старался, главным образом, обеспечить «политическое представительство» всех южных штатов. Лишь трое, включая Бенджамина, остались в составе кабинета до последнего дня Конфедерации. Государственный секретарь Р. Тумбс любил говорить, что его департамент находится в его цилиндре, а архив – в его карманах. Военный министр Л. Волкер не слишком активно занимался созданием регулярных вооруженных сил. В стране царила все та же мирная жизнь. В веселом и преуспевающем Новом Орлеане давали оперу, балы и концерты. В Монтгомери и Чарльстоне также не было недостатка в помпезных ритуалах и торжественных церемониях. «Юг в ту пору процветал, и это убыстряло темп жизни. Весь мир требовал хлопка, и девственная, плодородная земля рождала его в изобилии. Он был ее дыханием, биением ее сердца, его посевы и сборы – пульсацией крови в ее жилах. В бороздах пахоты произрастало богатство, а вместе с ним самонадеянность и спесь; они росли вместе с зелеными кустами и акрами пушистых коробочек. Если хлопок может принести богатство нынешнему поколению, как же приумножат его последующие!» – писала о тех днях Маргарет Митчелл в знаменитом романе «Унесенные ветром».

Генеральный прокурор Конфедерации Иуда Бенджамин, привыкший к ежедневной кропотливой работе, оставался верен себе. К тому же ему было поручено возглавить министерство юстиции, первое в американской истории (министерство юстиции США появилось лишь в 1870 году). Впрочем, рутинная работа Бенджамина по назначению местных прокуроров и судебных исполнителей вызывала мало интереса. Той весной внимание всей страны было приковано к форту Самтер – маленькому островку, прикрывавшему вход в гавань Чарльстона. События, разыгравшиеся здесь в апреле 1861 года, стали рубежом между миром и войной.

Власти Южной Каролины уже более трех месяцев требовали от правительства в Вашингтоне вывода федеральных войск из гавани Чарльстона. Присутствие северян в форте Самтер было равносильно присутствию солдат-южан в бухте Нью-Йорка. Командовавший небольшим гарнизоном форта майор Р. Андерсон, южанин из семьи рабовладельцев, остался верен федеральной присяге. Между тем Иуда Бенджамин использовал свои личные вашингтонские связи и уведомил государственного секретаря США Уильяма Сюарда, что правительство Конфедерации не станет долго выжидать. Это была последняя, известная историкам, попытка предотвратить вооруженный конфликт.

Бывший сенатор от Нью-Йорка Сюард занял главенствующее положение в кабинете Линкольна и определял не только внешнюю, но и, во многом, внутреннюю политику США. В кулуарной беседе с одним из вашингтонских боссов Сюард посетовал: «Я был только что выдвинут как республиканский кандидат в президенты и должен был отступить, чтобы освободить место иллинойскому адвокатишке». Но прежде пассивный Линкольн принял судьбоносное для страны решение. Президент США известил, что посылает морем подкрепление для гарнизона форта Самтер. Губернатор Южной Каролины в ответ был вынужден предъявить майору Андерсону требование об эвакуации. Срок ультиматума истекал на рассвете 12 апреля 1861 года.

Война начиналась как красивое представление. Командующий силами южан щеголеватый генерал Пьер Борегар, в ожидании, когда истечет срок ультиматума, послал своим противникам вино и дорогие сигары. Всего несколько лет назад Борегар был артиллерийским инструктором в военной академии Вест-Пойнт, где его наставником был Роберт Андерсон. Теперь учитель и ученик готовились к артиллерийской дуэли.

Ранним утром 12 апреля 1861 года генерал Борегар отдал приказ об обстреле форта. Честь первого выстрела была предоставлена штатскому – седовласому джентльмену Эдмунду Раффину – известному ученому-химику, писателю, теоретику «южной нации».

Небольшой гарнизон форта Самтер не смог долго сопротивляться бомбардировке и капитулировал утром 14 апреля. Единственной жертвой артиллерийской дуэли стала лошадь конфедератов. Майор Андерсон получил от генерала Борегара разрешение на артиллерийский салют при спуске флага США. Побитый осколками флаг Андерсон увез с собой в Вашингтон. Таковым оказалось бескровное начало самой кровавой за всю американскую историю войны.

На следующий день, 15 апреля 1861 года, президент США Линкольн объявил отделившиеся штаты мятежными и начал набор добровольцев в армию. В ответ на это еще четыре штата – Вирджиния, Арканзас, Теннесси и Северная Каролина – примкнули к Конфедерации. Ни один из штатов не покидал Союз с такой болью, как Вирджиния. «Матерь штатов» подарила стране лидеров Американской революции, творцов федеральной конституции и семерых президентов. Вместе с Вирджинией ушел полковник Роберт Ли, отказавшийся от предложенных Линкольном генеральских погон и поста командующего армией США.

19 апреля 1861 года Авраам Линкольн объявил морскую блокаду портов Юга. Федеральные корабли должны были полностью изолировать мятежников от внешнего мира. На Севере в ускоренном порядке приступили к строительству нового военно-морского флота. Джефферсон Дэвис называл создаваемую Линкольном армию «поссе комитатус» (кучка добровольцев, помогающих шерифу справиться с беспорядками), которые хотят арестовать пять миллионов человек, поставленных вне закона. В обращении к армии он именовал Линкольна «узурпатором». Линкольн же в своих речах и статьях делал вид, что Джефферсон Дэвис не существует как политическая фигура.

В мае 1861 года кабинет Дэвиса принял решение о переносе столицы Конфедеративных Штатов из Алабамы в столицу Вирджинии Ричмонд. Иуда Бенджамин, один из немногих, возражал против этого. Перенос столицы в Вирджинию должен был подчеркнуть идейную преемственность «отцов-основателей» Конфедерации. Ричмондские памятники Джорджу Вашингтону и Томасу Джефферсону служили символом политического курса Юга. Но с военной

точки зрения Ричмонд, расположенный всего в ста милях от границы с северными штатами, оказался более уязвимым. Голос Иуды вновь не был услышан. Впоследствии Конфедерация потратит огромные людские и материальные ресурсы, защищая свою столицу от бесконечных атак.

Война начиналась с небольших стычек, постепенно охватывавших территорию пограничных штатов. Но обе стороны ждали генерального сражения, которое, как полагали, решит исход этого конфликта. Политическая элита Севера требовала похода на столицу Дикси. Газеты писали: «Вперед, на Ричмонд! Нельзя допустить, чтобы мятежный конгресс собрался там в июле! Национальная армия должна взять Ричмонд!»

4 июля 1861 года, в День независимости США, в Вашингтоне начал работу федеральный Конгресс. В своем первом послании к Конгрессу президент США детально изложил программу решительного подавления мятежа и получил для ее осуществления все полномочия, которые просил. Линкольн произвел торжественный смотр вашингтонских полков. После президентского благословления 37-тысячная «великая армия» под командованием генерала Макдауэлла отправилась в поход на юг. Их ожидала 22-тысячная армия конфедератов под командованием генерала Борегара. Луизианец Борегар обратился к солдатам: «Безрассудный и беспринципный тиран напал на нашу землю. Авраам Линкольн, вопреки всем моральным, законным и конституционным правам, бросил свои аболиционистские войска против нас… Ваша честь и честь ваших жен и дочерей, ваше имущество и ваше будущее под угрозой».

Когда-то Макдауэлл и Борегар окончили один класс военной академии Вест-Пойнт. В воскресенье 21 июля 1861 года на лугах у небольшой речки Булл Ран (Бычий выгон) бывшие сокурсники встретились как враги. К федеральным войскам присоединилось большое количество вашингтонской публики. Конгрессмены прибыли в экипажах, сопровождаемые дамами в кринолинах и чернокожими слугами. Помимо подзорных труб, лорнетов и театральных биноклей зрители принесли с собой бутылки шампанского и корзинки для воскресного пикника. Война представлялась короткой прогулкой на юг и покорением самоуверенных джонни (так в годы войны северяне пренебрежительно называли южан).

К полудню армия Макдауэлла смяла левый фланг конфедератов. Толпа зевак ликовала. Победа была столь очевидной, что мародеры по краям поля боя

начали собирать «сувениры», снимая с убитых южан эполеты, кокарды, вытаскивая из их карманов деньги. Макдауэлл поторопился отправить в Вашингтон реляцию о победе. И все же центр южан, где стояла вирджинская бригада ополченцев под командованием Томаса Джексона, удержал позиции. Бывший профессор математики Джексон получил за этот бой прозвище «Каменная стена». В четыре часа пополудни Борегар, получив подкрепление, перешел в неожиданную контратаку. Отступление северян вскоре превратилось в беспорядочное бегство. Тысячи людей в военной форме, срывая с себя ремни и подсумки, бросая оружие и знамена, бежали со всех ног, а впереди них в своих роскошных кабриолетах и ландо мчалось блестящее вашингтонское общество. Федеральная армия оставила на поле боя всю артиллерию, огромное количество другого вооружения и военного снаряжения. При Булл Ране впервые было поднято знамя Конфедерации – красное полотнище, пересеченное голубым Андреевским крестом с белыми звездами.

Когда весть о случившемся достигла Европы, английский премьер-министр Генри Пальмерстон, один из самых влиятельных голосов в мировой политике XIX века, произнес фразу, ставшую знаменитой: «Истина заключается в том, что Север воюет за идеи профессиональных политиканов, в то время как Юг сражается за то, что они считают, верно или неверно, своими жизненными интересами».

«Ложе из лепестков роз»

17 сентября 1861 года Иуда Бенджамин был назначен военным министром Конфедеративных Штатов с сохранением должности генерального прокурора. В истории мятежного Юга он оказался единственным членом кабинета, который совмещал два поста. Очень скоро Бенджамин приобрел титул «Мозга Конфедерации». Президент Дэвис безоговорочно полагался на него и часто поручал ему работу, далеко выходящую за рамки непосредственных обязанностей министра. Как правило, все возникающие проблемы, не относившиеся к работе определенного департамента, направлялись для решения в кабинет Бенджамина.

«Вы, конечно, оставили мне ложе из лепестков роз», – написал Бенджамин уходившему в отставку военному министру Л. Волкеру. Иуда ясно осознавал всю

сложность задач, с которыми сталкивалось новорожденное государство. Двадцать три северных штата, куда шел мощный иммиграционный поток, имели подавляющее превосходство в людских и материальных ресурсах. Север производил 97 % американского вооружения и 96 % железнодорожного оборудования. Стоимость всей промышленной продукции Дикси в 1860 году составляла менее четверти промышленной продукции одного штата Нью-Йорк. Сельскохозяйственный Юг владел менее 1/5 денежных депозитов страны, часть из которых была арестована в банках Севера.

В одной из докладных президенту Дэвису Иуда Бенджамин писал: «Трудности лежат не в законодательной сфере. Законы не могут сразу превратить фермеров в оружейников. Наши люди, в основном, не мастеровые. На единственном оружейном заводе в Ричмонде можно резко увеличить рост продукции, если мы доставим квалифицированный персонал». Во многом благодаря титаническим усилиям нового военного министра начался перевод экономики Юга на военный лад.

«Королевству хлопка» нужны были заводы и фабрики, прокатные станы и арсеналы, ремонтные мастерские, рудники и угольные копи. Бенджамин вел постоянную борьбу с неопытностью чиновников, путаной организацией армии, бюрократизмом местных канцелярий. Ему приходилось принимать участие в руководстве армией, состоявшей из нескольких категорий военных соединений: кадровых войск, ополченцев-добровольцев, народной милиции штатов. Формирование эффективно действующей армии, способной проводить крупные стратегические операции, требовало напряженной умственной работы. Военный департамент тонул в море писем, приказов, депеш, инструкций, директив, выступал в роли посредника между генералами и президентом. В довершение ко всему на ведомство Бенджамина возложили и функции министерства внутренних дел.

Жена президента Конфедерации Варина Дэвис писала в своих мемуарах: «То было любопытное зрелище – две противоположности стали друзьями – президент и военный министр. Это было постепенное сближение, медленное, но все более прочное». Джефферсон Дэвис и Иуда Бенджамин проводили вместе по 12–14 часов в день. Они как бы дополняли друг друга: нервный, импульсивный Дэвис и невозмутимый, методичный Бенджамин. Тысячи и тысячи документов – официальных инструкций, писем, телеграмм военным, дипломатам, политикам, издателям, известным людям – подготовил Иуда для главы Конфедерации. Не случайно Варина Дэвис называла его «правой рукой президента».

В ноябре 1861 года в восточном Теннесси вспыхнуло восстание противников Конфедерации. Партизанские отряды жгли мосты и разрушали железные дороги. Вдохновителем террора выступил «воюющий пастор» Уильям Браунлоу. В прошлом пастор был известен своими открытыми антисемитскими высказываниями. В 1860 году, когда Конгресс США пригласил раввина на открытие очередной сессии, Браунлоу сказал: «Если они пригласили одного из убийц Христа, их сердца и мысли готовы на все». Во время войны любимой мишенью методистского проповедника стал Бенджамин.

Арестованный за подстрекательство к террору, пастор был доставлен в Ричмонд. Браунлоу рассказывал об этом: «Меня вызывал еврейчик, который, как я полагаю, был военным министром фиктивной Конфедерации. Он угрожал вздернуть меня, и я не ожидаю от него милости больше той, которая была проявлена его пресловутыми предшественниками в отношении Иисуса Христа». В марте 1862 года Бенджамин выслал фанатичного проповедника за пределы Дикси. На Севере пастору устроили триумфальную встречу. После войны Браунлоу стал губернатором Теннесси, где продолжил свою длинную историю антисемитских выступлений.

Американский историк Ф. Л. Ослей справедливо отмечал, что «семена смерти» Конфедерации были посеяны в момент ее рождения, и этими семенами оказались права штатов. Главный идеологический постулат сецессии сыграл роковую роль в судьбе Юга: страна не функционировала как единый механизм. Военный министр Бенджамин настаивал на всеобщем военном призыве. Некоторые штаты возражали, соглашаясь содержать лишь местную милицию. Губернатор Джорджии Браун заявлял, что войска нужны ему для защиты собственной территории и отказывался предоставлять солдат в армию Конфедерации. Губернаторы Миссисипи и Северной Каролины также неохотно отдавали правительству свои ресурсы и солдат. Борьба за выживание всей Конфедерации мало заботила «местных патриотов».

Президентский кабинет и Конгресс раздирали противоречия. Многие из известных политиков Юга считали, что они были бы лучше на президентском посту. Отставки министров следовали одна за другой. В 1862 году Ричмонд покинул вице-президент А. Стивенс, активно протестовавший против политики, «нарушающей права штатов».

На Севере тоже шли перемены. Спустя пять дней после поражения под Булл Раном Авраам Линкольн назначил нового командующего армией США на восточном театре военных действий. Им стал тридцатипятилетний генерал Джордж Макклелан. Он провел несколько удачных локальных операций в Западной Вирджинии, и бойкие на язык газетчики мгновенно окрестили его «военным гением» и «американским Наполеоном».

Прибыв в Вашингтон, Джордж Макклелан немедленно приступил к формированию армии, ставшей вскоре лучшей в мире по вооружению и экипировке. Одновременно он разрабатывал так называемый план «Анаконда», рассчитанный на постепенное военное и экономическое «удушение» мятежного Юга: захват его столицы, оккупацию плодородной долины реки Миссисипи и отсечение от Конфедерации богатых сырьем штатов Теннесси, Луизиана и Арканзас, полную морскую блокаду зависимого от подвоза оружия и товаров Юга.

Президент Линкольн говорил тогда, что готов «подавать коня» командующему, если тот принесет ему победу. Новый кумир Севера, амбициозный «Мак», охотно позировал фотографам в «наполеоновской» позе, заложив руку за отворот мундира.

В те дни Иуда Бенджамин предпринимал величайшие усилия по формированию, снабжению и вооружению армии Юга. Он создал внутри военного министерства девять слаженно работающих бюро, которые стали решать большинство вопросов военного времени. Но даже невероятной работоспособности Бенджамина, его методичности и внимания к каждой мелочи было явно недостаточно для не подготовленной к войне Конфедерации. Военный министр отвечал за все: отсутствие железнодорожного сообщения и раскисшие грунтовые дороги, плохую телеграфную связь и нерадивость местных интендантов.

К 1862 году оружейные заводы Севера, используя новейшее оборудование, выпускали около пяти тысяч ружей в день; Юг с трудом производил триста ружей старого образца в день: сказывалась нехватка станков и квалифицированных рабочих. Одновременно упало сельскохозяйственное производство: многие из плодородных южных земель были постепенно оккупированы или разорены. Даже в армии вводили сокращенный рацион, часто без мяса и хлеба; состоявший в основном из риса, бобов и кукурузных лепешек. И все же на Юге было достаточно продовольствия. Генерал Улисс Грант,

будущий военный герой Севера, получал все необходимое с оккупированных им западных земель Дикси. Основной причиной трудностей со снабжением в Конфедерации стал кризис ее железнодорожной системы.

На беду Юга, большинство его железных путей было построено для транспортировки хлопка к морским портам. Не было даже прямой железнодорожной ветки, соединявшей два главных промышленных центра Ричмонд и Атланту. На огромной территории Луизианы насчитывалось лишь 328 миль чугунных путей, в основном одноколейных. К началу войны фрагментарной системой железных дорог Дикси оперировали 113 железнодорожных компаний; существовало 11 колей разной ширины. Губернатор Северной Каролины Венс отказался пустить через свой штат соединительную ветку с колеей той же ширины, что и в Вирджинии.

Стараниями Иуды Бенджамина началась национализация железных дорог Юга. Каждый локомотив был на вес золота. Выпуск железнодорожного оборудования и прокат рельсов существенно сократился из-за переориентации производства на военные нужды. Было решено разобрать многие второстепенные железные дороги для строительства новых, необходимых фронту путей. Это усложнило и без того тяжелую ситуацию со снабжением в тылу. Сотни тонн продовольствия гнили в ожидании отправки. Югу отчаянно недоставало соли, основного консерванта мяса в доэлектрическую эпоху. Нехватка была столь велика, что работавшие на солеварнях освобождались от военной службы. Земляные полы коптилен, пропитанные каплями с бекона, срывали и кипятили, чтобы не пропадали и крупицы соли.

В военном департаменте за Иудой ежедневно наблюдал внимательный и недобрый глаз. Чиновник Дж. Б. Джонс оставил целые тома дневниковых записей, вышедших после войны отдельной книгой. Среди воспоминаний Джонса встречаются и такие: «Все беды людей происходят из-за любителей негров вроде Бенджамина, еврея, жена которого живет в Париже». Всевидящий Джонс по-своему отметил и тесные, доверительные контакты Дэвиса и Бенджамина: «Президент болеет, и на улицах ходят слухи, что его готовят к причащению. Уповаю на это, ибо наступит тогда конец и потомку тех, кто распял нашего Спасителя».

В августе 1861 года Конгресс США, в котором заправляли республиканцы крайнего толка, принял закон о конфискации имущества участников мятежа (к имуществу относили и рабов). Президент Линкольн отменил на период войны

действие законов о неприкосновенности личности. Солдаты обыскивали и закрывали редакции оппозиционных газет и журналов, а также ряд организаций Демократической партии. Свобода слова в США стала наказуемой. Линкольн отменил право арестованного на судебное слушание – мера, позволявшая быстро и надолго сажать в тюрьму всех «неблагонадежных». Государственный секретарь Уильям Сюард говорил, указывая на колокольчик на своем столе: «Я могу отправить в тюрьму любого человека, будь он виновен или нет».

Отсутствие четких юридических критериев «нелояльности» было безотказным инструментом в работе особых «военных комиссий», подменивших собой суды. Незаконные аресты стали повседневной практикой в борьбе с политическими противниками. Более 35 тысяч северян были отправлены в тюрьму за критику республиканской администрации. Протесты председателя Верховного Суда США Роджера Б. Тони оставались без внимания. Правительство Линкольна нарушило целый ряд положений Конституции и федеральные законы, введя, по сути, режим диктатуры.

7 ноября 1861 года у местечка Белмонт, на стыке штатов Миссури и Кентукки, южане нанесли поражение войскам Севера. Конфедератами командовал генерал Леонидас Полк, в прошлом протестантский епископ Нового Орлеана. Поверх генеральского мундира Полк по-прежнему носил скромное одеяние служителя Божьего, и время от времени читал солдатам проповеди и совершал церковные таинства. Во главе северян стоял Улисс Грант, который до войны был отставным капитаном, покинувшим службу из-за беспробудного пьянства (его отставку принял тогдашний военный министр США Джефферсон Дэвис). Грант жил в Иллинойсе и едва сводил концы с концами, торгуя конской упряжью. Вряд ли кто мог тогда заподозрить в нем будущего президента страны.

Изменчивое военное счастье было в тот день на стороне конфедератов. Они обратили северян в позорное бегство, захватили и сожгли их лагерь. В числе попавших в плен оказалась жена Гранта со своими рабами. Но недаром Уинстон Черчилль сказал как-то про Гражданскую войну в США, что «это была последняя война, которую вели джентльмены». Южане, извинившись, освободили мадам Грант и ее слуг.

Между тем американские канонерки медленно, но верно затягивали петлю морской блокады. Все меньше кораблей с ценным грузом прорывалось через это кольцо. Юг стал строить небольшие быстроходные суда-«москиты», которые могли под покровом ночи проникать из Вест-Индии в гавани Дикси.

Разбросанные гарнизоны и форты Юга не могли защитить более трех с половиной тысяч миль его береговой линии. И с каждым утерянным фортом или гаванью все труднее становилось дышать Конфедерации, столь остро нуждавшейся в самом необходимом.

Ресурсы Дикси были недостаточны даже для ведения оборонительной войны. Однако генералы Юга жаждали славы и побед. Герой форта Самтер и Булл Рана красноречивый Борегар требовал похода на Вашингтон. Для генералов Конфедерации, гордившихся своими военными традициями, назначение адвоката-еврея на пост военного министра было почти оскорблением. Они игнорировали его предписания и зачастую обращались к президенту, минуя военное министерство. Недруги и политические противники Джефферсона Дэвиса, не решаясь пока в открытую критиковать президента, также избрали своей мишенью «некомпетентного» главу военного департамента.

Иуда Бенджамин не ввязывался в политические или штабные распри. По-прежнему сдержанный и невозмутимый, он избрал для себя роль чиновника-администратора. Уже после краха Конфедерации арестованный Дэвис однажды признался своему тюремному врачу, что в его кабинете был лишь один человек без личных амбиций – Иуда Бенджамин. Как военный министр он сделал немало для создания боеспособной армии и его усилия дали свои плоды в успешной военной компании осени 1862 года. Но современники не смогли оценить роль Бенджамина по достоинству: слава побед доставалась генералам Дикси, горечь поражений ложилась на плечи военного министра.

В феврале 1862 года войска Улисса Гранта осадили хорошо укрепленный форпост западной Конфедерации – форт Донельсон на реке Теннесси. Неудачную оборону крепости возглавлял генерал Бакнер, с которым Грант учился в Вест-Пойнте, а затем воевал в Мексике. Когда-то Бакнер одолжил нищему капитану Гранту денег, чтобы помочь тому добраться до дома после увольнения из армии.

Утром 16 февраля генерал Бакнер, отчаявшись удержать крепость, направил бывшему однокашнику письмо с предложением оговорить возможные условия своей капитуляции. Ответ Гранта вошел во все исторические монографии: «Единственным условием является безусловная капитуляция». Рассказывают, что в момент сдачи южанами оружия, Грант подошел к своему бывшему кредитору и протянул ему кошелек с занятой когда-то суммой.

Трудно передать, что творилось на Севере в те дни. Газеты выходили с огромными заголовками «Враг отступает!», «Полная победа!», «Безоговорочная капитуляция!» Счастливые мальчишки-продавцы сновали по улицам Нью-Йорка и Филадельфии, Вашингтона и Чикаго, наперебой выкрикивая эти заголовки, повсюду возникали стихийные митинги и шествия. В том же феврале 1862 года Конфедерация понесла еще одну ощутимую потерю: войска Севера взяли с боем форт Роанок в Вирджинии. Виновником случившегося пресса и политики Юга объявили военное министерство, не доставившее подкрепление для форта. Самой удобной мишенью для критики стал, естественно, Бенджамин. Сам военный министр хранил молчание, что приводило его противников в еще большее исступление. Похороны капитана Вайза, сына губернатора Вирджинии, погибшего в этом бою, превратились в политическую демонстрацию в Ричмонде. Конгресс приступил к рассмотрению резолюции о некомпетентности военного министра.

«Я несу персональную ответственность за Роанок», – в течение нескольких часов повторял «Иуда Конфедерации» в ходе допроса в комиссии Конгресса. Много лет спустя, когда ушли из жизни основные участники тех событий, полковник Ч. Маршалл, штабной офицер в Ричмонде, опубликовал «Секретную историю Конфедерации», где рассказал всю правду о случившемся. Трагическая истина, которую всячески старались скрыть в те дни, заключалась в том, что у правительства Конфедерации не было ни пороха, ни вооружения для поддержки гарнизона форта. Своим молчанием Иуда Бенджамин защитил от нападок президента Дэвиса. Взяв на себя роль главного виновника военных неудач, он возвращал Джефферсону Дэвису свой долг за несостоявшуюся шесть лет назад дуэль. Военный министр подал прошение об отставке. Всего за годы войны шесть человек возглавляли военное министерство и четверо сменились на посту генерального прокурора Конфедерации.

Как никто другой, Иуда Бенджамин понимал, что реальное соотношение военных и экономических сил Севера и Юга не оставляет надежд на победу Конфедерации в этой войне. Выйдя в отставку, он мог бы вести жизнь частного лица или получить выгодную и мало обязывающую должность. Он даже мог под благовидным предлогом покинуть страну, как это сделали многие богатые плантаторы Луизианы. Но Бенджамин предпочел разделить свою судьбу с любимым им Югом и остался в кабинете Дэвиса.

17 марта 1862 года президент Дэвис утвердил Иуду Филиппа Бенд жамина в должности государственного секретаря Конфедеративных Штатов. Впервые в

истории еврей занимал самый высокий пост, доступный иммигранту в американской государственной иерархии. Столичная газета «Экзаминер» в лице ее главного редактора отреагировала на назначение так: «Присутствие Синагоги не уменьшилось; оно остается в полной мере».

Хлопковая дипломатия

Гражданская война в США охватила огромное пространство – от Потомака до Мексиканского залива, от Вирджинии до бескрайних территорий американского Запада (в состав Конфедерации вошли Индейские территории, и пять крупнейших индейских республик послали своих представителей в Ричмонд). Еще более обширными были военные действия Севера и Юга на морях. Самое северное из морских сражений в Атлантике случилось близ Полярного круга, самое южное – у берегов Бразилии. Летом 1863 года, преследуя торговое судно южан, военный корабль США подверг обстрелу японский порт Йокогаму. В июне 1864 года художник Эдуард Мане стал свидетелем последнего боя фрегата «Алабама» с кораблем северян близ французского порта Шербур. Взволнованный увиденным, Мане запечатлел один из самых драматических моментов поединка: капитан военного шлюпа США Уинслоу потопил у берега Ла-Манша конфедератский крейсер капитана Семмса. Оба американских офицера в молодые годы несли службу на одном корабле и даже делили одну каюту.

Не меньшее значение в истории конфликта сыграла и дипломатическая война в Европе. Иуда Бенджамин был в числе тех политиков Юга, кто понимал, что судьба Дикси зависит не только от доблести ее генералов, но и от эффективных внешнеполитических действий правительства. Трудностей на международном фронте Гражданской войны было не меньше, чем на полях сражений. Перед государственным секретарем Конфедерации стояли две почти невыполнимые задачи: добиться дипломатического признания молодой республики и получить крайне необходимую для Юга военную и финансовую помощь.

Бенджамин начал с перестройки дипломатических служб. Эмиссары, посланные прежним госсекретарем Р. Тумбсом в Англию, Францию и Испанию, не смогли добиться многого. Они увязли при европейских дворах в бесплодных дискуссиях о легитимности сецессии и правах штатов. Между тем Конфедерация все острее ощущала последствия морской блокады.

Не имевшему серьезного дипломатического опыта Бенджамину противостояли такие искушенные в международных интригах деятели, как английский премьер-министр Пальмерстон и французский император Наполеон III. Обе крупнейшие европейские державы зависели от поставок американского сырья. Борьба за хлопок в XIX столетии была не менее ожесточенной, чем борьба за нефть в современном мире. Текстильная промышленность составляла основу британской экономики. Более миллиона рабочих были непосредственно заняты в этой индустрии и около трех миллионов – в смежных отраслях. Протекционистские тарифы и хлопковый дефицит чувствительно ударили и по французской промышленности. Однако в европейских столицах предпочли занять выжидательную позицию, наблюдая, куда склонится чаша весов войны.

Самое большее, чего удалось добиться администрации Дэвиса от Великобритании – признание за Югом статуса воюющей стороны. Примеру Англии последовали Франция, Испания, Бразилия и Нидерланды. Дальнейшие внешнеполитические усилия Конфедерации сводились к нулю дипломатией Севера. Госсекретарь США Уильям Сюард настойчиво доводил до сведения послов европейских держав, что конфликт между Севером и Югом не является войной, а всего лишь – «локальным» мятежом, который не затрагивает интересы иностранных государств. К тому времени «домашняя ссора» Севера и Юга уже унесла десятки тысяч жизней.

В марте 1862 года Джордж Макклелан приступил к осуществлению своего плана по разгрому Конфедерации. Четырем сотням кораблей – собранным речным, морским, озерным судам, колесным и винтовым пароходам, шхунам, баркам и баржам – понадобилось три недели, чтобы перебросить многотысячную федеральную армию на побережье Вирджинии. Отсюда «новый Наполеон» собирался идти на Ричмонд. Одновременно, согласно стратегическому плану «Анаконда», возобновились боевые действия и на Западе, ставившие своей целью оккупацию долины реки Миссисипи и отсечение от Конфедерации богатых сырьем штатов Теннесси и Арканзас.

6 апреля 1862 года армии Севера и Юга сошлись на берегах реки Теннесси, у местечка Шайло, что в переводе с древнееврейского означает «мирное место». После необыкновенно ожесточенного двухдневного сражения южане отступили. При Шайло погиб генерал-конфедерат Альберт Джонстон, которому прочили славу первого полководца Юга. Джонстон истекал кровью после ранения в ногу, но отказался от помощи, послав своего врача спасать раненых солдат. Бригадный генерал США Улисс Грант, едва сдержавший в первый день атаки

конфедератов, был отправлен в отставку.

По обе стороны линии фронта содрогнулись: у Шайло убито и ранено американцев больше, чем за все предыдущие войны США вместе взятые. «Мирное место» по человеческим потерям оказалось равным битве при Ватерлоо. Но тогда еще никто не знал, что впереди было около двадцати еще более кровавых «ватерлоо» американской междоусобицы.

В Европе тем временем раскручивалась сложная дипломатическая интрига. Иуда Бенджамин вводил в политическую борьбу все новые ресурсы. Правительство Конфедерации предложило Лондону и Парижу особые условия торгового соглашения: беспошлинную торговлю в течение нескольких лет и сотни тысяч тюков хлопка (стоимостью в миллионы долларов) в качестве дара за снятие блокады. Бенджамин предлагал Старому Свету не просто выгодный коммерческий союз, но во многом дискриминационный для Юга – война и блокада диктовали Конфедерации свои жесткие условия.

Виконт Генри Джон Темпл Пальмерстон, представитель высшего слоя английской аристократии, был олицетворением дипломатических традиций Туманного Альбиона. Он начал свою карьеру в британском парламенте еще до того, как появились на свет Дж. Дэвис, И. Бенджамин и А. Линкольн. Он был на три года старше американской конституции. За свою длинную политическую биографию лорд Пальмерстон дважды занимал кресло премьер-министра и много лет служил своей стране в качестве главы Сент-Джеймского двора – министерства иностранных дел. Изощренные интриги внешней политики были его стихией, и английский премьер, как никто другой, демонстрировал истинность старого изречения, что у Британии нет постоянных друзей, но есть постоянные интересы. При сложившемся раскладе сил Лондону был выгоден нейтралитет. Всего несколько лет назад закончилась Крымская война. Великобритания вела колониальные войны в Индии, Китае, Ираке, Афганистане. Перспектива увязнуть в длительном заокеанском конфликте с неясным исходом не входила в расчеты осторожного Пальмерстона.

Наполеон III в свою очередь был заинтересован в усилении французского влияния за океаном и открытии рынка Америки, свободного от запретительных тарифов. Импозантный Шарль-Луи-Наполеон был третьим сыном в семье младшего брата Наполеона Бонапарта. В Европе ходили слухи о его не очень «чистокровном» происхождении. В 1852 году «племянник» совершил государственный переворот и провозгласил себя императором под именем

Наполеона III (во Франции тогда говорили: «Великое имя без великой личности»). Склонный к военным авантюрам, он вмешивался почти во все европейские конфликты и постоянно менял свою внешнюю политику.

Иуда Бенджамин был лишен роскоши выбирать партнеров для дипломатических союзов. Посланник Конфедерации, бывший сенатор из Луизианы Джон Слайделл неоднократно пытался убедить французского императора, насколько выгоден коммерческий и военный союз с Ричмондом. По меткому выражению Виктора Гюго, голландец обуздывал в Наполеоне III корсиканца. Ему в первую очередь хотелось втянуть старую соперницу Британию в войну с США. С другой стороны, Наполеон III никогда не оставлял надежды возродить былую колониальную славу Франции. Воспользовавшись расколом и ослаблением Соединенных Штатов, император решился на интервенцию в Мексику – по примеру египетского похода Бонапарта. Южный сосед США всего сорок лет назад освободился от испанского владычества; за это время в стране сменилось 36 правительств и 73 президента. Очередное мексиканское правительство, истощенное раздорами и войнами, отменило все выплаты по иностранным долгам. Это и дало Наполеону III формальный предлог для вторжения.

Весной 1862 года Гражданская война в США вступила в одну из своих самых драматических фаз. Макклелан медленно, но неуклонно продвигавшийся к Ричмонду, выходил на основные рубежи для штурма столицы Юга. В конце апреля федеральные войска одержали крупную победу и в Луизиане, взяв с боем форты Нового Орлеана. Конфедераты были вынуждены оставить город. Путь отступавших освещали подожженные ими 15 тысяч тюков хлопка и горящие недостроенные канонерки на верфях. С потерей крупнейшего порта Юг утратил контроль над устьем Миссисипи. Федеральная «анаконда» еще сильнее сжала свои кольца.

Город, где прошли лучшие дни Бенджамина, переживал тяжелые времена. Генерал Бен Батлер, назначенный Линкольном военным губернатором Нового Орлеана, приступил к наведению «конституционного порядка». По его приказу закрыли все оппозиционные газеты, а в «мятежных» церквях священников заменили полковые капелланы. У тех, кого подозревали в симпатиях к Конфедерации, конфисковывали имущество; вести бизнес в городе могли только принявшие присягу на верность США. Пытавшийся протестовать мэр города был отправлен под арест в близлежащий форт, превращенный в тюрьму. Вслед за ним последовали и остальные, недовольные деятельностью «генерала-

освободителя».

Бен Батлер захватил 418 старинных бронзовых колоколов, собранных для переплавки на военные нужды Юга. Вытащенные из тайников, «мятежные колокола» были отосланы на родину генерала, в Бостон, где их продали с аукциона. Коллекционеры и богачи, желавшие слышать в своих церквях «звон поверженного Юга», платили до тридцати тысяч долларов за колокол. За годы войны сам генерал несказанно разбогател на распродажах конфискованной собственности южан. Батлер не брезговал и «мелочевкой»: ходили слухи, что он прикарманил столовое серебро из усадьбы генерала-конфедерата в Новом Орлеане, ставшей резиденцией военного губернатора. С той поры к Батлеру прилепилась презрительная кличка «ложечник».

Джефферсон Дэвис

Но для того, чтобы окончательно покорить город, губернатору Батлеру пришлось иметь дело с дамами Нового Орлеана. Темпераментные южанки всем своим поведением выказывали презрение к захватчикам: они демонстративно отворачивались от янки и переходили на другую сторону улицы, а во Французском квартале, бывало, выливали помои из окон на головы офицеров. 15 мая 1862 года Бен Батлер издал свой знаменитый приказ № 28, более известный как «женский». Генерал заявил, что с любой женщиной, которая «словом, жестом или движением» оскорбит служащего федеральной армии, будут обращаться как с уличной проституткой. Для Юга, гордившегося своим подчеркнуто рыцарским отношением к женщинам, это была пощечина. Отныне кличка «чудовище» всегда сопровождала имя Батлера. За его голову назначили солидную денежную награду. Изготовители ночных горшков в стране Дикси также определились в своем отношении к «чудовищу Батлеру». Его изображения в течение нескольких десятилетий «украшали» дно ночных ваз южан.

Приходящие из Луизианы новости касались и лично Иуды Бенджамина. Его имущество было разграблено или конфисковано. Обе сестры Бенджамина оказались выброшенными на улицу с небольшим узлом вещей лишь за то, что

они были родственницами «известного мятежника». Жители города под властью Батлера боялись дать им приют. Женщины смогли найти убежище в доме сердобольной англичанки. Из всего принадлежавшего Иуде личного имущества до наших дней уцелела лишь небольшая шкатулка, оказавшаяся в Национальном архиве в Вашингтоне. В ней сохранились облигации несостоявшейся железнодорожной компании Теуантепек.

Роберт Ли

Генерал Батлер неоднократно заявлял, что большинство шпионов Конфедерации – евреи. В своей корреспонденции он обычно называл их «племенем Бенджамина». В традиционной своей манере генерал докладывал военному министру США Стентону о поимке контрабандиста: «Я уверен, что другой еврей – еще один Иуда – считает, что его вложение в виде тридцати сребреников будет выгодным до того, как наказание за предательство постигнет его». В другом донесении Батлер сообщал в Вашингтон, что захватил «150 мятежников, 90 мулов, 60 рабов и 5 евреев».

В мае 1862 года в интервью «Нью-Йорк Таймс» Уильям Сюард утверждал, что Конфедерация расходует свои последние ресурсы и уже близка к краху. Джордж Макклелан, приведший под стены Ричмонда стотысячную армию, остановился всего в девяти милях от столицы Юга. На форпостах федеральной армии солдаты слышали по утрам звон колоколов ричмондских церквей. Победа казалось столь близкой, что на Севере прекратился призыв в армию. Ричмондские конгрессмены свернули работу и спешно покидали столицу. Джефферсон Дэвис распорядился подготовить город к уличным боям.

На совещании кабинета министров на вопрос Дэвиса, где должна пройти следующая линия обороны после падения столицы, военный советник президента Роберт Ли дал неожиданный ответ: «Ричмонд сдавать нельзя». В эти кризисные дни он принял командование над вооруженными силами Вирджинии. В знаменитой Семидневной битве, с 26 июня по 2 июля 1862 года, Роберт Ли понес большие потери, но отбросил войска Макклелана от Ричмонда к морскому побережью, на их исходные позиции.

Изнурительная война между Севером и Югом продолжалась и по другую сторону Атлантики. Оружием в той войне были деньги. На Старом континенте шла борьба с помощью золота, займов, кредитных операций, военных поставок. Впервые в истории использовалось такое мощное оружие, как формирование общественного мнения через прессу. И Бенджамин, и Сюард направляли за океан журналистов, бизнесменов, религиозных деятелей, которые развернули ожесточенную пропаганду и контрпропаганду – в европейских столицах шла нешуточная схватка за влияние на правящие круги.

Самым сильным аргументом Конфедерации оставался хлопок: Юг торгует «белым золотом» только с теми странами, которые согласны поставлять Дикси военное снаряжение. Однако столь мощный экономический стимул не приносил желаемого результата. Дефицит сырья все еще не был ощутимым, ибо довоенный прекрасный урожай хлопка доверху заполнил склады Манчестера и Ливерпуля. К тому же Великобритания нашла выход в увеличении импорта хлопка из Египта и Индии. С другой стороны, неурожай зерновых в Европе поставил ее в зависимость от американских поставок, и госсекретарь Сюард успешно разыгрывал карту «пшеничного эмбарго».

В условиях военно-морской блокады прекратилась постоянная связь Ричмонда с Европой. Шифровки и депеши Бенджамина приходили с большим опозданием и часто перехватывались. Новости из Старого Света не обнадеживали: дипломатический корпус Сюарда умело саботировал или срывал внешнеполитические акции Юга. Когда в июле 1862 года в британском парламенте впервые раздались голоса в пользу дипломатического признания Конфедерации, Уильям Сюард направил в американские посольства за границей письма, где говорилось, что если европейские державы пойдут на вмешательство в американские дела, правительство США вынуждено будет санкционировать революционную «войну рабов».

На берегах Темзы демонстрировали «вежливый интерес» к судьбе Конфедерации. Посланец Дикси Джеймс Мэйсон, бывший сенатор из Вирджинии, удостоился частной аудиенции у министра иностранных дел лорда Рассела. Агенты Севера немедленно наводнили британскую прессу хорошо оплаченными статьями, что посланник Мэйсон дурно одет и однажды даже сплюнул на пол в парламенте. Такого рода заявления всегда производили неблагоприятное впечатление на двор и законодателей Соединенного Королевства.

Наполеон III тем временем все глубже увязал в мексиканской авантюре. Он создал на французских штыках марионеточную монархию, поставив во главе ее эрцгерцога Максимилиана, младшего брата австрийского императора. Столкнувшись с партизанской войной в Мексике, Франция уже не решалась на открытое вмешательство в американский конфликт. Наполеон III предпочитал, чтобы Англия таскала для него каштаны из огня Гражданской войны в США. Но старый лис Пальмерстон продолжал выжидать.

После поражения под Ричмондом президент Линкольн сместил Макклелана с поста командующего. Новое наступление на столицу Конфедерации возглавил генерал Поуп, друг детства Линкольна. Склонный к хвастовству Джон Поуп любил говорить, что его штаб-квартиры всегда находятся в его седле. Остряки при этом отмечали, что штаб-квартиры находятся там, где должны находиться его окорока (по-английски выражение звучит в рифму). В конце июля Авраам Линкольн собрал совещание кабинета в Белом доме, где сообщил удивившее многих решение: президент собирался огласить прокламацию об освобождении рабов. Умный и циничный государственный секретарь Сюард сказал, что это выглядит, как «последнее слово проигравшего». Линкольн согласился, что для такого шага необходим военный успех.

Генерал Поуп не терял времени даром. «Братья из-за реки» вновь вторглись на территорию Юга, где в районе прошлогоднего сражения у Булл Рана их ожидали конфедераты. Необходимость победы для Вашингтона подогревалась ее символическим значением: именно у Булл Рана Север жаждал реванша. 29 августа Джон Поуп, обещавший победу, атаковал части «Твердокаменного» Джексона. Сражение отличалось особым ожесточением, потери с обеих сторон во много раз превысили первый Булл Ран. На второй день боев южане опрокинули федеральные войска. Север постигла очередная военная катастрофа. Президент Линкольн спешно сместил Поупа и отправил его на западные территории подавлять восставших индейцев. На место командующего вернули Макклелана.

В августе 1862 года Уильям Генри Сюард разослал во все американские посольства и консулаты в Европе инструкцию № 19 о вербовке иностранных наемников. Сотни тысяч бедняков и искателей удачи из Германии, Италии, Ирландии, Венгрии, Польши, многие из которых не знали ни слова по-английски, образовали батальоны, полки и бригады Севера. Один из офицеров армии Юга писал родным, что чувствует, будто отражает «немецкое нашествие». Наемники

отправлялись воевать за океан не за неведомые им цели, а за умеренное вознаграждение и обещанный после войны надел американской земли.

В то время как в Вирджинии шли жестокие бои, Иуда Бенджамин вновь и вновь пытался пробить «стену нейтралитета», убеждая Вестминстер и Пале-Рояль, что снятие блокады увеличит торговлю, а дипломатическое посредничество европейских держав принесет мир в Америку. Сюард в ответ вел политику умелого шантажа. Эмиссары Вашингтона распространили в Лондоне слухи, что федеральное правительство может двинуть свои полки на север и аннексировать Канаду. Вмешавшись в конфликт, англичане поставили бы на карту судьбу фактически беззащитной Канады. Одновременно на территории США резко активизировалось движение ирландских фениев. Это был еще один хорошо рассчитанный удар: Альбион всегда преследовал кошмар войны за независимость внутренней английской колонии Ирландии. В те дни Бенджамин написал Слайделлу в Париж: «Нельзя не восхититься проницательностью, с которой мистер Сюард прочел сокровенные мысли британского правительства, и успехом его политики запугивания».

В начале сентября 1862 года, впервые за время Гражданской войны, генерал Роберт Ли решился перенести военные действия на территорию противника. Его немногочисленная (40 тысяч) армия была недостаточно вооружена и экипирована – Конфедерация испытывала острую нужду в самом необходимом. Однако Ли понимал, что именно в этот момент Юг должен перехватить инициативу. «Еще одна успешная компания заставит Европу признать Конфедерацию», – написал он президенту Дэвису.

Утром 13 сентября 1862 года солдат федеральной армии нашел три сигары, бережно завернутые в листок бумаги и случайно оставленные южанами на привале. Табак Дикси, как и ее хлопок, был в годы войны самой большой драгоценностью по обе стороны линии фронта. Лист бумаги, хранивший сигары, оказался копией приказа генерала Ли, содержавший точные сведения о движении войск конфедератов. В руках Макклелана оказалась возможность окончательного военного разгрома мятежного Юга.

16 сентября у реки Антитем в пятидесяти двух милях от Вашингтона войска Роберта Ли встретила федеральная армия, вдвое превосходящая их по численности. На пшеничных полях Мэриленда забушевал огненный ураган. Конфедераты выдержали десятки яростных атак северян. Обозреватель из Великобритании, посетивший поле битвы, писал: «На семи-восьми акрах нет ни

одного дерева, в которое не вонзились бы стаи пуль или горы осколков. Невозможно понять, как кому-то удалось выжить под таким огнем».

Это был самый кровавый день в американской истории. Север потерял более 13 тысяч убитыми и ранеными (в два раза больше, чем в день высадки американцев в Нормандии во время Второй мировой войны). Роберт Ли удержал свои позиции, но потерял около 10 тысяч солдат – почти четверть своей армии. Других резервов у южан не было. На следующий день генерал Ли дал приказ к отступлению.

Через пять дней после сражения при Антитеме президент Линкольн опубликовал знаменитую «Прокламацию об освобождении». Прокламация объявляла свободными с 1 января 1863 года всех рабов на территории «мятежных штатов». В оставшихся в составе союза штатах Мэриленд, Делавэр, Миссури и Кентукки, где проживало более миллиона рабов, а также на захваченных территориях Юга рабство по-прежнему сохранялось. Таким образом, президентская «Прокламация» ни одного раба не освободила. Это был акт тотальной войны, по сути, призыв к восстанию в тылу Конфедерации. Объявив рабов свободными на территориях, не контролируемых Севером, Авраам Линкольн заявлял об изменении целей и методов войны. Прокламация разрешала неграм служить в вооруженных силах Союза. Не провозглашалось и тем более не предусматривалось равенства белых и цветных. Сам же «отец Авраам» предполагал последующее переселение освобожденных рабов на Гаити, в Панаму или Либерию.

Президент США в очередной раз показал себя прагматиком. Военная необходимость заставила его нарушить ряд положений Конституции и федеральное законодательство. Чернокожие американцы при этом оказались лишь «разменной монетой» в большой политической игре. Рабов Севера отправили к металлургическим печам и на оружейное производство, им позволили за мизерную плату записываться в солдаты и геройски умирать за своих хозяев. Сам Линкольн спустя месяц после опубликования «Прокламации об освобождении» признавался в письме к нью-йоркскому издателю Х. Грили: «Моя главная цель в этой борьбе – сохранение Союза, а не спасение или уничтожение рабовладения. Если я смогу сохранить Союз, не освободив ни одного раба, я это сделаю. Если я смогу спасти Союз ценой освобождения всех рабов, я поступлю так. А если я смогу спасти его, освободив часть рабов и оставив в рабстве других, я также это сделаю».

Геттисберг

Рождество 1862 года было счастливым для всего Юга. Несмотря на смерти и лишения, которыми был отмечен почти каждый дом, несмотря на удушающую петлю блокады, Конфедерация по-прежнему выглядела несокрушимой. Раз за разом немногочисленные и плохо вооруженные войска Дикси отбивали атаки превосходящих сил Севера. В условиях смертельного кризиса выявился дух самопожертвования южан, нередко подлинного героизма простых людей. Подавляющее большинство белых на Юге не были владельцами рабов и не имели прямых интересов защиты рабовладения. Однако тысячи и тысячи ушли на войну, защищать от агрессора свой дом и очаг. Фермерские сыновья в серых мундирах Конфедерации, часто без обуви и с мушкетами времен Вашингтона, уходили умирать за традиционные ценности Дикси: свой уклад жизни, право на самоуправление и независимость и против, как считалось на Юге, угрозы бунтов, грабежей и убийств.

В декабре 1862 года Роберт Э. Ли вновь заставил мир говорить о себе. Стодвадцатитысячная федеральная армия, которую после отставки Макклелана возглавил генерал А. Бернсайд, снова вторглась в Вирджинию. Основной удар был направлен на ключевой транспортный узел Фридриксбург на полпути от Вашингтона до Ричмонда. 13 декабря Бернсайд штурмовал позиции конфедератов на девятимильном фронте. В тот день южане отразили четырнадцать яростных атак. Лишь отсутствие резервов не позволило Роберту Ли преследовать противника и довершить военный разгром Севера. Потери Бернсайда при Фридриксбурге составили двенадцать тысяч солдат. Ли потерял вполовину меньше.

Север, обладавший практически неисчерпаемыми людскими и материальными резервами, мог в очередной раз пережить подобные поражения. Для Конфедерации даже столь блистательные победы отзывались горечью потерь. Второй год аграрный Юг, ограниченный в ресурсах, вел изнурительную борьбу с индустриальным гигантом.

В ту зиму Бенджамин повел очередное наступление в Европе. Зарубежные кредиты были так же остро необходимы Дикси, как и поставки товаров и военного снаряжения. Иуда начал переговоры о займе с крупнейшим во Франции банкирским домом Эрлангеров. В Ричмонд с конфиденциальной миссией прибыл

барон Фредерик-Эмиль Эрлангер, доверенное финансовое лицо Наполеона III. Переговоры с глазу на глаз на французском проходили в обстановке повышенной секретности. Зная, как отчаянно нуждался Юг в твердой валюте, парижский банкир выставил крайне тяжелые условия сделки. Иуде удалось выторговать более приемлемые кондиции, и вскоре на биржах Парижа, Франкфурта, Амстердама, Лондона и Ливерпуля появились ценные бумаги Конфедерации. Их будущим покрытием служило все то же «белое золото» Дикси.

В то же время один из посланцев Конфедерации Джеймс Буллок (дядя будущего президента США Теодора Рузвельта) подписал на ливерпульских верфях контракты на строительство боевых фрегатов для Юга. Корабли строили через подставные фирмы, а вооружали за пределами страны (британские верфи и порты были наводнены информаторами Севера). Построенные в Англии фрегаты «Алабама», «Флорида» и «Шенандоа» уничтожили сотни кораблей Севера и ослабили блокаду Дикси. Президент Линкольн даже вынужден был объявить действия этих морских рейдеров пиратскими, и отрядил для охоты за ними целую флотилию.

Одним из самых устойчивых стереотипов в отношении Юга стал миф о том, что Конфедерация была детищем крупных плантаторов-рабовладельцев. В действительности большинство членов кабинета Дэвиса отнюдь не принадлежало к плантаторской аристократии. Сам Джефферсон Дэвис, как и его ровесник, Авраам Линкольн, родился в фермерской семье в штате Кентукки. Бревенчатые хижины будущих президентов находились всего в ста милях друг от друга. Вице-президент Конфедерации Стивенс в юности зарабатывал на жизнь уборкой кукурузы. Министр финансов Меммингер, как и Бенджамин, был выходцем из самых низов Чарльстона и провел детство в сиротском приюте. Морской министр Мэллори, сын коннектикутского янки, помогал своей овдовевшей матери содержать таверну для моряков. Министр почты Рейган был сыном дубильщика кожи.

Из рыхлой коалиции одиннадцати «суверенных штатов» администрация Дэвиса создала жизнеспособное национальное государство. По своим размерам – 750 тысяч квадратных миль – Конфедерация была равна территории России к западу от Москвы и вдвое превышала площадь первых тринадцати американских штатов. Лидеры Дикси взяли на себя труднейшую миссию – руководство не интегрированной экономикой, централизовали ее и в предельно короткие сроки сделали самодостаточной для военного производства. Вероятно, самый

известный комплимент в адрес Конфедерации прозвучал из уст первого канцлера казначейства Великобритании лорда Гладстона: «Джефферсон Дэвис и другие лидеры Юга сформировали армию, и сейчас они, как мы видим, строят флот. Но они сделали гораздо больше – они создали нацию».

В октябре 1862 года пришла неожиданная новость из Брюсселя. Бельгийский король Леопольд I выступил с инициативой заключения шестимесячного перемирия между воюющими сторонами со снятием морской блокады на этот же срок. Предложения короля о совместном посредничестве в конфликте Севера и Юга были направлены в Лондон, Париж и Санкт-Петербург. Наполеон III согласился участвовать в дипломатических переговорах. Ждали ответа от России.

Леопольд I был идеальной фигурой для переговоров. Когда-то он служил полковником в Измайловском полку, состоял в родстве с русским императорским домом и даже был в свите Александра I. Тем не менее, Россия, только что проигравшая Британии и Франции Крымскую войну, видела в президенте Линкольне союзника против новой англо-французской коалиции, и отклонила брюссельское послание. Король Леопольд I был также членом британской палаты лордов и приходился дядей английской королеве Виктории. В Вестминстере все настойчивее раздавались голоса о признании Конфедерации независимым государством и вмешательстве в конфликт. Но и здесь верный себе лорд Пальмерстон не спешил с окончательным решением. Было очевидно, что военная компания весны и лета 1863 года станет решающей в судьбе Юга.

После разгрома при Фридриксбурге Бернсайд был отправлен в отставку, а место командующего на восточном театре военных действий занял генерал Джозеф Хукер. Одновременно Линкольн, несмотря на возражения многих, вернул Гранта к командованию на Западе. Улисса Гранта считали безнадежным алкоголиком. Линкольн в ответ сказал: «Я не могу пожертвовать этим человеком. Он сражается». В течение нескольких месяцев генерал Грант безуспешно пытался взять штурмом город Виксбург – сильно укрепленный опорный центр Конфедерации в среднем течении Миссисипи. «Виксбург – это гвоздь, скрепляющий две половины Юга», – говорил Джефферсон Дэвис. Атаки Гранта вновь и вновь разбивались об оборонительные укрепления Виксбурга, прозванного «Гибралтаром Миссисипи».

На Потомакском фронте Джозеф Хукер развернул бурную реорганизацию армии. «Мои планы совершенны, и Ли может рассчитывать лишь на милость Божью», – заявлял самоуверенный генерал, считавший, что разгром Юга – дело нескольких недель. В апреле 1863 года стотридцатитысячная федеральная армия перешла в новое наступление. Ей противостояли слабо экипированные войска Дикси, едва насчитывавшие шестьдесят тысяч солдат. В складывавшейся драматической ситуации Роберт Ли принял единственно верное решение. Разделив свои войска и блестящим маневром обманув Хукера, генерал Ли нанес неожиданный контрудар. Это, по сути, была попытка маленькой армии окружить большую.

2 мая 1863 года началось сражение у местечка Чанселорсвиль, вошедшее в военную историю как «Шедевр Ли». Войска Конфедерации, застав северян врасплох, опрокинули их правый фланг. Джозеф Хукер был обескуражен и утратил контроль над ходом боя. К вечеру 4 мая все было кончено. Потеряв убитыми и ранеными более семнадцати тысяч солдат, деморализованная федеральная армия в беспорядке отступила за пограничную реку Потомак. Но триумф южан был омрачен трагической новостью: смертельное ранение получил Томас Джексон «Каменная Стена», один из лучших генералов Дикси. Ему было 38 лет.

После побед при Фридриксбурге и Чанселорсвиле стоимость акций Конфедерации в Европе подскочила от первоначальных 15 миллионов долларов до 80. В ответ Уильям Сюард наводнил европейские газеты заказными статьями о финансовой несостоятельности Ричмонда. Спешно фабриковались документы о неудачных финансовых вложениях самого Дэвиса в бытность его сенатором от Миссисипи. Интересно, что координатором акций по срыву кредитно-финансовых связей Конфедерации с Европой был другой бывший сенатор из Миссисипи Роберт Уокер. Когда-то он спекулировал в Техасе землей и рабами. Затем, в качестве министра финансов США, Уокер запомнился рядом сомнительных внешнеторговых сделок. Именно такой изворотливый и беспринципный бизнесмен потребовался Северу для закулисной войны в Европе.

Иуда Бенджамин вел тяжелую политическую игру, в который было слишком много шулеров и слишком мало козырей. Никогда ранее за всю американскую историю не выезжало за границу так много представителей Нового Света. Госсекретарь использовал любую возможность для пропаганды идей Юга. Среди посланных на Британские острова конфедератов был ученый с мировым именем М. Ф. Мори, занимавшийся морским перевооружением Дикси. Участник первого американского кругосветного плавания, Мэтью Фонтен Мори был

основоположником современной океанографии и метеорологии, почетным членом ряда европейских академий (в том числе Петербургской академии наук). В интеллектуальной элите Старого Света произошел глубокий раскол в отношении «дела Юга». Среди британцев, высказывавших симпатии воюющей Конфедерации были Т. Карлейль, Ч. Дарвин, А. Теннисон, У. Теккерей. Томас Хаксли говорил, что разумом он за Север, хотя сердце его принадлежит Югу.

Правительство Линкольна в европейских интригах делало ставку на своего агента У. Эспинволла – крупнейшего американского бизнесмена, владельца судов, осуществлявших трансатлантические перевозки. После того, как в Калифорнии нашли золото, Эспинволл построил Панамскую железную дорогу, установив здесь монополию на все перевозки. Ловкому и циничному дельцу поручили перекупать в Англии корабли, строившиеся для Конфедерации, если не удастся легальным путем добиться прекращения их строительства. Одновременно федеральное казначейство выделило Эспинволлу 10 миллионов долларов для спекуляций на европейских биржах. При этом эмиссар Вашингтона получил карт-бланш и на собственные финансовые операции.

В сложной дипломатической партитуре на стороне Севера была вся его экономическая и военная мощь. На стороне Дикси остались лишь абстрактные политические идеи, да гипотетический хлопковый «урожай будущего года». Тем не менее, Иуда Бенджамин сделал для Конфедерации гораздо больше, чем любой другой на его месте. Благодаря его усилиям Ричмонд получал из Европы кредиты и товары, оружие и боевые корабли. Президент Дэвис в своих мемуарах высказался о Бенджамине кратко: «Самый выдающийся государственный деятель из всех, кого я когда-либо знал». Но все же и на полях сражений, и на дипломатическом фронте Конфедерация добивалась лишь тактических успехов, которые не приводили к решающей победе. Стратегическая инициатива по-прежнему оставалась за северным гигантом.

Английский военный наблюдатель полковник Фримантл провел первые месяцы 1863 года на Юге и Севере, встречаясь со многими американскими политиками и военными. В беседе с государственным секретарем Конфедерации он задал вопрос, на каких условиях Юг мог бы заключить мир. Иуда Бенджамин взял лист бумаги и написал одно слово: «Самоуправление». При этом он добавил, что янки могут заполнить остальную часть бумаги на свое усмотрение.

«Правительство Ее Королевского Величества намерено ждать», – таков был очередной высокомерный ответ английского министра иностранных дел лорда

Рассела на дипломатические маневры посланника Дикси Мэйсона. Нейтралитет был выгоден Британии. Боевые фрегаты Конфедерации существенно подорвали торговое судоходство США, а это принесло еще большие доходы английскому мореплаванию. К тому же европейский сценарий вскоре получил совсем неожиданное развитие.

В январе 1863 года вспыхнуло вооруженное восстание за независимость Польши. Сорокалетний мир, установившийся в Европе после краха Наполеона Бонапарта, уже был нарушен рядом локальных вооруженных конфликтов. Шла война за объединение Италии, где вновь столкнулись интересы Франции и Австрии, начались раздоры из-за датского королевства, все более агрессивная Пруссия под властью Бисмарка стремилась к объединению германских земель. Польское восстание внесло резкие изменения в европейский политический кроссворд. 17 апреля 1863 года английский и французский послы в Санкт-Петербурге вручили правительству Александра II ноты по польскому вопросу. Вскоре их примеру последовали еще девять европейских держав. Россию, занявшую жесткую позицию, поддержала Пруссия. Польский кризис мог стать началом крупной европейской войны. Теперь Старый Свет еще в меньшей степени интересовала судьба Ричмонда и затянувшийся конфликт за три тысячи миль от берегов Сены и Темзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/spivak_leonid/odinochestvo-diplomata

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити